

ISSN 2072-8557



Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТОРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

КОЛЛИЗИОННЫЙ МЕТОД
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТОВ
КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ



2015 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557

Серия

2015 / № 1

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

2015 / № 1

Series

ISSN 2072-8557

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., и.о. проректора по научной работе МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., проф., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., РЭУ им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., СПГУ

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., РАО

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Голышев В.Г. — к.ю.н., доц., МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Коновалова И.А. — к.ю.н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Васильева О.Н. — к.ю.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Антонян Ю.М. — д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник МВД РФ, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел
Гладких В.И. — д.ю.н., проф., заслуженный юрист РФ, Государственный университет управления

Глотов С.А. — д.ю.н., проф., Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (г. Москва)

Гриненко А.В. — д.ю.н., проф., МГОУ

Грудцына Л.Ю. — д.ю.н., проф., Почетный адвокат РФ Финансовый университет при Правительстве РФ

Иванова С.А. — д.ю.н., проф., Финансовый университет при Правительстве РФ

Марченко М.Н. — д.ю.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Миронов О.О. — д.ю.н., проф., заслуженный юрист РФ, Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Никитин А.Н. — д.и.н., д.ю.н., проф., МГОУ

Пашенцев Д.А. — д.ю.н., проф., МГПУ, Финансовый университет при Правительстве РФ

Певцова Е.А. — д.ю.н., проф., МГОУ почетный работник высшего профессионального образования РФ

Подшибякин А.С. — д.ю.н., проф., МГИМО

Пудовочкин Ю.Е. — д.ю.н., проф., Российская академия правосудия (г. Москва)

ISSN 2072-8522

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2015. № 1. М.: ИИУ МГОУ. 68 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26300

Индекс серии «Юриспруденция»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735

© МГОУ, 2015.

© ИИУ МГОУ, 2015.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 4 times a year

Series editorial board «Jurisprudence»

Editor-in-chief:

V.G. Golyshev – Ph.D. in Law, Associate Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

I.A. Konovalova – Ph.D. in Law, Associate Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

O.N. Vasilieva – Ph.D. in Law, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

Yu.M. Antonyan – Doctor of Law, Professor, All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

V.I. Gladkikh – Doctor of Law, Professor, Russian Federation State University of management

S.A. Glotov – Doctor of law, Professor of international law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation (Moscow)

A.V. Grinenko – Doctor of Law, Professor, MSRU

L.Y. Grudtsyna – doctor of legal Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

S.A. Ivanova – Doctor of Law, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

O.O. Mironov – Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation of Modern humanitarian Academy (Moscow)

A.N. Nikitin – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor of MSRU

D.A. Pashentsev – Doctor of legal Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; Financial University under the Government of the Russian Federation

E.A. Pevtsova – Doctor of Law, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MSRU

A.S. Podshibyakin – Doctor of Law, Professor of Moscow State Institute of International relations

Y.E. Pudovochkin – Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of justice (Moscow)

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S.Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Professor, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjолоv – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8557

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Jurisprudence». 2015. № 1. – М.: MSRU Publishing house. – 68 p.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 00С77-26300

Index of the series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Арзамасцев Н.И.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ	8
<i>Гольяпина И.Ю.</i> УНИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ О ПРАВЕ НА ИНФОРМАЦИЮ	12

РАЗДЕЛ II.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Василенко О.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»	22
<i>Васильева О.Н., Серeda А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ	31
<i>Козловская В.И.</i> КОЛЛИЗИОННЫЙ МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ	37
<i>Куркина Н.В., Водянова Н.Б.</i> К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	44
<i>Семыкин В.В.</i> АРЕНДА В ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ И «ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	50

РАЗДЕЛ III.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Мерзлякова В.А.</i> СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ	54
--	----

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Коломинов В.В. ДОПРОС И УЧАСТИЕ В НЕМ СПЕЦИАЛИСТА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ..... 59

НАШИ АВТОРЫ 66

CONTENTS

SECTION I. CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>N. Arzamastsev.</i> IMPROVING CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING ENACTMENT.....	8
<i>I. Golt yapina.</i> THE UNIFICATION OF THE RUSSIAN FEDERATION LAWS ON RIGHT TO INFORMATION	12

SECTION II. CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>O. Vasilenko.</i> THE PROBLEM OF DEFINING “INNOVATION” AND “INNOVATION ACTIVITY” IN LEGAL DOCUMENTS	22
<i>O. Vasilieva, A. Sereda.</i> THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COLLECTION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION	31
<i>V. Kozlovskaya.</i> THE NATURE OF COLLISION METHOD OF LEGAL REGULATION IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW	37
<i>N. Kurkina, N. Vodianova.</i> ON THE ESSENCE OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND ITS OUTCOMES AS CIVIL RIGHT OBJECTS.....	44
<i>V. Semykin.</i> LAND LEASE AND «TRANSITIONAL PROVISIONS» OF THE LAW	50

SECTION III. CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>V. Merzlyakova.</i> THE BALANCE OF CRIME AND PUNISHMENT FOR BUDGET SPENDING MISUSE	54
---	----

**SECTION V.
CRIMINAL PROCESS**

<i>V. Kolominov.</i> QUESTIONING AND TAKING PART IN IT OF THE FRAUD INVESTIGATION EXPERT IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION SYSTEMS	59
OUR AUTHORS	66

РАЗДЕЛ I. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.254

Арзамасцев Н.И.

Московский государственный областной университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

Аннотация. Конституционное право на жилище - одно из важнейших в системе удовлетворения жилищных потребностей общества. В зависимости от того как определяется его содержание, складывается и поведение граждан, органов государства, хозяйствующих субъектов при выборе вариантов решения жилищных проблем из юридически возможных в конкретной жизненной ситуации. В Российской Федерации право на жилище обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству.

Ключевые слова: жилище, жилищное законодательство, право на жилище, жилищная политика, жилищная проблема, договор социального найма.

N. Arzamastsev

Moscow State Regional University

IMPROVING CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING ENACTMENT

Abstract. The article examines the features of constitutional right to housing enactment in the Russian Federation. The constitutional right to housing is provided by development and preservation of state and public housing stock on the one hand and promotion of cooperative and individual housing construction on the other. The enactment of this right is influenced by the behaviour of individual citizens, state bodies and business entities in choosing legally possible solutions to the housing problems. The author of the article suggests that the standards of different legal acts should be improved to particularize the protection of such violated rights as to housing, gratuitous use, social tenancy and deprivatization, as well as the requirements to housing. The principals, notions, statements and the definitions of the key concepts of the Housing Code should be unified.
Key words: housing, housing legislation, the right to housing, housing policy, social tenancy agreement.

Особое место в юридической науке занимают исследования различных аспектов конституционного права на жилище в. И это не случайно. Важность этого права для каждого человека нельзя недооценивать. По существу, конституционное право можно поставить в один ряд с любым из личных прав граждан, поскольку ни один человек не может обходиться без жилища, которое выступает как место проживания, общения, воспитания детей, творчества, ведения домашнего хозяйства, а также позволяет реализовать иные возможности, закрепленные в законе. Признание права каждого на достойное жилище позволяет обеспечить человеческое достоинство, физическое и психическое здоровье и качество жизни в целом. Конституция Российской Федерации создала конституционные основы стабильного пользования жилищем и возможность получения для улучшения жилищных условий другого жилища [3].

Право на жилище является неотъемлемым правом каждой личности и входит в систему общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, включено в систему социальных прав человека и качественно характеризует право человека на достойную жизнь. Конституционное право на жилище рассматривается как конституционно-правовой институт, регулирующий закрепление и реализацию указанного права.

Включение права на жилище в конституцию создаёт обязательства для государства: совершенствовать своё внутреннее законодательство и организовывать в соответствии с ним свою деятельность. Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на соз-

дание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2].

Исходя из анализа нормативно-правовых актов, нормы которых регламентируют порядок реализации конституционного права граждан на жилище, можно сделать ряд предложений в данном направлении по совершенствованию действующего законодательства.

Необходимо детально и однозначно закрепить механизм взаимодействия государственных органов Российской Федерации в сфере жилищной политики с международно-правовыми организациями и с российскими организациями, имеющими в качестве целей реализацию и защиту права граждан на жилище.

Следует более чётко разграничить полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по регламентации жилищных отношений с целью исключения возможности превышения своих полномочий субъектами Федерации в этой сфере, а также устранения противоречий между федеральными нормативно-правовыми актами и нормативно-правовыми актами субъектов Федерации

Необходимо конкретизировать конституционное понятие права граждан на жилище и определить чёткий перечень задач и функций государства в обеспечении реализации и защиты этого права на жилище.

В рамках действующего жилищного законодательства следовало бы закрепить порядок регулирования безвозмездного пользования жилым помещением, что дополнило бы механизм регулирования жилищных отношений.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации необходимо выделить главу, регулирующую порядок рассмотрения дел, вытекающих из нарушения права на жилище с обязательным участием прокурора и соответствующих органов, в чью компетенцию входит регулирование и защита права на жилище.

Современная жизнь остро ставит вопрос о проведении как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации градостроительной политики с учетом всех требований, предъявляемых законодательством к жилищу.

На федеральном уровне, в целях соблюдения конституционного принципа равенства всех граждан, необходимо единообразно установить механизм определения величины прожиточного минимума для целей признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий. Для решения данного вопроса необходимо руководствоваться следующими основными критериями: наличие у граждан постоянного дохода; среднерыночная стоимость жилья в регионе и т. д.

Необходимо конкретизировать в нормативно-правовых актах понятие статьи 40 Конституции Российской Федерации «... иные указанные в законе граждане» [1] (то есть граждане, которым предоставляется право бесплатно или за доступную плату получить жилье). В перечне таких граждан должны быть указаны: инвалиды Великой Отечественной войны и приравненные к ним в установленном порядке лица; инвалиды труда, а также инвалиды с детства; ветераны войны; семьи погибших при исполнении государственных обязанностей; семьи с доходами ниже официально установленного прожи-

точного минимума; нуждающиеся в улучшении жилищных условий; а также иные лица, указанные в правовых актах субъектов федерации.

Следовало бы уточнить формулировку этой же статьи «... бесплатно или за доступную плату» [1]. Представляется целесообразным изложить её в соответствующем нормативно-правовом акте в следующей редакции: «...бесплатно (предоставление жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищного фонда по договору социального найма) или за доступную плату (предоставление безвозмездных жилищных субсидий или льготных кредитов)».

Необходимо изменение содержания и дальнейшего развития института социального найма жилого помещения государственного и муниципального жилищного фонда. Представляется необходимым усовершенствовать порядок и условия обеспечения граждан жильем в домах государственного и муниципального жилищного фонда по договору найма. Кроме того, жильем следует обеспечивать тех граждан, которые не попадают под категории лиц, имеющих право на получение жилого помещения по договору социального найма, но при этом не имеющих финансовой возможности решить жилищную проблему за свой счёт.

На федеральном уровне следует детально проработать порядок и условия осуществления процедуры деприватизации, предусматривающую право на основе добровольного волеизъявления собственника приватизированного жилого помещения освободиться от права собственности и обязанности собственника жилищного фонда принять такое жильё.

Сформировать тщательно проработанную нормативную базу для оказания содействия гражданам, имеющим возможность использовать собственные средства для решения жилищной проблемы, а также для привлечения гражданами ипотечных кредитов банков на эти цели.

В действующем законодательстве имеются разночтения и противоречия в части закрепления терминов «жилище» и «жилое помещение». Представляется необходимым провести работу по корректировке норм, имеющих в законодательных актах различных отраслей права, в целях отражения именно того смыслового значения данных терминов, которое применимо в соответствующей отрасли права.

В целом следует определить свод принципов, единых понятий и положений жилищного законодательства. Таким образом осуществится унификация норм, регулирующих порядок и

условия реализации конституционного права граждан на жилище.

Воплощение в жизнь вышеизложенных рекомендаций способствовало бы совершенствованию механизма реализации конституционного права граждан на жилище.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации: К 20-летию принятия Основного Закона: Текст. Комментарии. М.: Статут, 2013. С. 19
2. Семьянов Е.В., Ницевич Ю.В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области реализации конституционного права граждан на жилище // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция, 2014. № 2. С. 65–70.
3. Фаршатов И.А. Жилищное законодательство. Практика применения, теоретические вопросы. М.: Инфра-М, 2001. С. 45.

УДК 342.7

Гольяпина И.Ю.*Омский государственный университет путей сообщения*

УНИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ О ПРАВЕ НА ИНФОРМАЦИЮ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы законодательного обеспечения права на информацию о деятельности органов власти. Проведен сравнительный анализ федеральных законов, устанавливающих процедуры доступа к информации о деятельности органов власти и подачи обращений, при этом отмечена несогласованность отдельных формулировок законов. Анализ запроса информации и обращения указывает на аналогичные процедурные механизмы реализации прав на обращение и на подачу запроса информации. Аргументирована необходимость установления единообразных правил обработки обращений граждан и запросов информации. В качестве способа такого установления предлагается унификация норм на основе закона «О порядке рассмотрения обращений граждан», которая будет способствовать гармонизации структуры информационного законодательства и упорядочению единообразных общественных отношений.

Ключевые слова: право на информацию, органы власти, обращения граждан, информационное общество, порядок предоставления информации.

I. Golyapina*Omsk State Transport University*

THE UNIFICATION OF THE RUSSIAN FEDERATION LAWS ON RIGHT TO INFORMATION

Abstract. The article considers the issues of legal foundations of the right to information on authorities. Based on the comparative analysis of federal laws that establish procedures for access to information on authorities and submission of appeals the author marks the inconsistency of certain provisions. The analysis revealed no difference between request and appeal for information procedures. Thus the author argues the necessity of unification for rules of processing appeals and requests for submitting the information on state bodies. The unification can be carried out on the basis of the Order of Appeal Processing Act, which would harmonize the structure of laws on information and put analogous public relations into order.

Key words: right to information, state bodies, citizens' appeals, information society, the order of submitting information.

Право на свободу мысли и слова внутренне присуще человеку и неотделимо от права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Это имманентные характеристики демократического правового государства, без которых также невозможно существование свободного гражданского общества [8, с. 263–268]. Реализация на-

званных прав и свобод обуславливает необходимость своевременного информирования граждан о деятельности органов власти. В этой связи важнейшим звеном в обеспечении права граждан на информацию является установленная российской Конституцией (ст. 24) обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц предоставлять каждому возможность ознакомления с документами и материалами, которые непосредственно затрагивают его права и свободы. Кроме того, следует упомянуть конституционное право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Конституция Российской Федерации гарантирует право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Данное право позволяет реализовать интересы личности в сфере взаимодействия органов власти и граждан, учесть мнение населения при принятии значимых решений или формировании управленческой структуры. Эти конституционные установления в полной мере соответствуют общепризнанным нормам международного права (Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах, Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, Декларации Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г.) Отметим в этом ряду Рекомендации Совета Ев-

ропы от 25 ноября 1981 г., касающиеся прав граждан запрашивать информацию от органов власти и устанавливающие единственное ограничение – необходимость защиты охраняемой законом тайны.

Президентом РФ утверждён ряд концептуальных документов, закрепляющих стратегически важные направления развития информационной сферы общества [3]. К их числу относится стратегия развития информационного общества, которая провозгласила обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации одной из важнейших задач государства, а основным направлением развития в области совершенствования системы государственных гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере является развитие законодательных механизмов [24]. Данным вопросам и посвящена настоящая статья.

Уже неоднократно высказывались идеи о необходимости принятия закона о праве на информацию [1, с. 188; 2, с. 513; 8, с. 268; 10, с. 35]. К числу нормативных правовых актов, обеспечивающих право на информацию, относится значительное количество федеральных законов. Базовым федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливаются принципы свободы поиска, получения, открытости информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, кроме случаев, установленных федеральными законами. Указанные принципы детализированы федеральными законами «О порядке рассмотрения

обращений граждан Российской Федерации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Помимо указанных фундаментальных нормативных актов следует отметить и те законы, которые регулируют обособленную область правоотношений, но содержат нормы, гарантирующие право на какой-либо вид информации. К числу таковых относятся федеральные законы «О персональных данных», «Об охране окружающей среды», «О радиационной безопасности населения», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», Закон РФ «О средствах массовой информации» и др.

Исследуя понятие и содержание права на доступ к информации в действующем законодательстве, С.Н. Братановский и С.Ю. Лапин справедливо отмечают, что нормы о праве на информацию «рассредоточены» по всему законодательному массиву без какой-либо видимой системы» [5]. Действительно, законы устанавливают порядок предоставления информации, основания отказа в предоставлении информации и т. д. В них закрепляется весомая часть обязанностей, корреспондирующих провозглашенному праву граждан и их объединений на информацию, а специальными актами, как правило, декларируется само право на доступ к конкретной информации, дублирующее общие нормы. Однако не всегда смысл норм является очевидным для правоприменителя, наблюдается пересечение сфер действия, при сравнении отдельных формулировок

становится очевидной необходимость согласования правовых установлений. Следовательно, имеются предпосылки для проведения ревизии и последующего упорядочения всего массива норм о праве граждан на информацию. Ведь при таких обстоятельствах, когда правовые предписания могут быть истолкованы неоднозначно, когда два закона распространяются на одни и те же правоотношения, когда не ясно, какой из нормативных актов является специальным по отношению к другому, невозможно говорить о гармоничности и системности элементов такого законодательства.

Сказанное обуславливает актуальность и необходимость упорядочения законодательства о праве на информацию. При проведении изысканий в области реализации права на информацию выделяются достаточно значимые проблемы как теоретического, так и прикладного характера. Право на информацию рассматривается в узком [4, с. 219–220; 27] и широком [26] смыслах, в нём разграничиваются публичные и частные правоотношения в информационной сфере [28, с. 5], выделяются правомочия субъекта, обладающего правом на доступ к официальной информации [19, с. 8] и др. Целью настоящего исследования является выявление предпосылок и формулирование соответствующих предложений для проведения унификации нормативно-правовых актов о праве на информацию, что будет способствовать снижению степени казуистичности законодательства. Отмеченная выше «Стратегия развития информационного общества ...» предполагает дальнейшее развитие законодательных механизмов. Однако под развитием

законодательства не следует понимать лишь принятие новых актов или изменение уже действующих. По мнению А.С. Пиголкина, систематизация представляет собой процесс развития законодательства и становится необходимой, когда накапливается значительное количество действующих правовых актов, перекрывающих друг друга [20, с. 56]. Таким образом, когда законодательство содержит противоречивые и несогласованные нормы, дублирующие предписания, дальнейшее развитие возможно при условии проведения систематизации, и в том числе посредством унификации.

Следует согласиться, что принятие закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов...» ознаменовало значительный прорыв в отношениях между гражданами, с одной стороны, и органами власти – с другой. По словам Д.А. Медведева, «Общество становится открытым и прозрачным, как никогда, даже если это не нравится правящему классу» [12]. А.П. Великий отмечал, что с принятием рассматриваемого закона окончился этап «закрытости власти»¹. В этой связи несомненным достоинством закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов ...» является установление закрытого перечня сведений, которые не могут быть предоставлены пользователю информацией, а также открытого перечня способов обеспечения доступа к информации.

¹ См.: Великий А.П. Комментарий к Федеральному закону от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в базах данных информационно-правовых систем «Гарант» и «КонсультантПлюс».

Процедурно правоотношения возникают при подаче запроса о предоставлении сведений. Запрос, составленный в письменной форме, подлежит регистрации в течение трёх дней со дня его поступления в орган власти и, по общему правилу, рассматривается в тридцатидневный срок со дня регистрации. Если предоставление запрашиваемой информации невозможно в указанный срок, в течение семи дней со дня регистрации запроса пользователь информацией уведомляется об отсрочке. Обратим внимание, что законом «О порядке рассмотрения обращений граждан» порядок работы регламентирован аналогично. Так, ст. 8 предусматривает 3-дневный срок регистрации обращения, 7-дневный срок для переадресации, а ст. 12 устанавливает 30-дневный период на рассмотрение обращения. Немаловажно, что сегодня на основании Постановления Конституционного Суда РФ установленный порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений объединений граждан, в том числе юридических лиц, поскольку право объединений граждан производно от конституционно установленного права граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения [21]. Можно также заметить, что из положений названных выше международных актов следует аналогичный вывод.

Таким образом, состав субъектов, инициирующих возникновение правоотношений (подающих запрос или обращение), в настоящее время идентичен, за исключением небольшой оговорки. Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» к иници-

аторам обращений относит иностранных граждан и лиц без гражданства (за некоторыми исключениями). Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти ...» к пользователям информацией относит граждан, организации, общественные объединения, государственные органы, органы местного самоуправления.

По поводу различий в названных формулировках можно обратить внимание, что применительно к закону «О порядке рассмотрения обращений граждан» Конституционный Суд в указанном Постановлении подчеркнул, что федеральный законодатель не освобождается от обязанности соблюдать конституционные принципы равенства и справедливости, которые требуют для субъектов права при равных условиях равного положения и допускают возможность различий, только если они объективно оправданы и обоснованы. С учётом положений закона «О порядке рассмотрения обращений граждан» можно предположить, что формулировки закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти ...» должны охватывать и физических лиц, не имеющих гражданства РФ, если они запрашивают информацию, напрямую затрагивающую их права и свободы, например, в Федеральной миграционной службе. Отметим, что на практике реализация названного закона шире его буквальных формулировок (на примере деятельности Федеральной миграционной службы), и потому можно считать состав субъектов, обладающих правом на подачу обращения и запроса, тождественным.

Продолжая рассуждения, отметим, что запрос в законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти ...» определяется как обращение о предоставлении информации о деятельности этого органа, что позволяет причислить запрос к формам обращений. Кроме того, и предложение, и заявление, и жалоба содержат информацию, передаваемую органу власти. Гражданин при рассмотрении обращения имеет право представлять дополнительные документы и материалы, в том числе в электронной форме, получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов.

Ограничения «информационного характера» для обращений те же, что и при работе с запросом – гражданину предоставляется возможность знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну. Если в письменном обращении гражданина содержится вопрос, на который ему неоднократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями, и при этом в обращении не приводятся новые доводы или обстоятельства, может быть принято решение о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с гражданином по данному вопросу.

Заметим, что речь фактически идёт об информационном обмене, поскольку при осуществлении полномочий органом власти в соответствии с

его компетенцией во многих случаях приходится давать письменный ответ гражданину (например, по вопросу приобретения российского гражданства, по существу поданной жалобы на действия должностного лица и др.). При подаче обращения в обязательном порядке указывается адрес, по которому направляется ответ, предусматривается возможность получения ответа по электронной почте [14–15]. В целом изложенное позволяет провести аналогию с документооборотом, проводимым в результате запроса о предоставлении информации органом власти. Рассмотренные категории (формы обращений и запрос информации) имеют идентичную информационную природу, схожую реализацию в правоотношениях, и, следовательно, порядок их подачи и последующей обработки вполне может регулироваться единообразными правилами.

Сегодня каждый орган власти организует работу с обращениями граждан в соответствии с требованиями закона и административных регламентов. Так, в Роскомнадзоре и ФАС России с обращениями граждан через официальные сайты работа организована со ссылкой на закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» и не предусмотрено особого порядка работы с запросами о предоставлении информации на основании закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов ...»¹. Можно

предположить, что такая организация работы обоснована необходимостью экономии ресурсов, которая актуализируется в связи с увеличением активности граждан, о чём говорится в обзорах обращений граждан [16–17]. Организация отдельного подразделения по работе с запросами неизбежно повлечет за собой увеличение затрат на исполнение такой обязанности. В этой связи более эффективна обработка запросов в процессе работы с обращениями.

Следует отметить, что работа с запросами о предоставлении информации и с обращениями граждан разделена сегодня на сайте Верховного Суда РФ со ссылкой на законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» и «О порядке рассмотрения обращений граждан». Порядок предоставления информации регламентируется отдельным Приказом Верховного Суда РФ. При этом в период деятельности Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации было утверждено единое «Положение о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб на действия судей и работников аппаратов арбитражных судов Российской Федерации, а также запросов о предоставлении информации о деятельности судов»².

ности государственных органов ...» впрочем имеется в «Положении об информационной политике ФАС России и ее территориальных органов» (сайт службы).

² См. официальный сайт Верховного Суда РФ (<http://www.supcourt.ru/index.php>), а также «Порядок организации доступа к информации о деятельности Верховного Суда Российской Федерации» (Приказ Верховного Суда РФ от 18.06.2010 г. № 10-П) и упомянутое Положение, утвержденное Приказом ВАС РФ от 30.06.2011 г. № 68.

¹ См.: «Вопросы Федеральной антимонопольной службы» (Постановление Правительства РФ от 07.04.2004 г. № 189); «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 г. № 228). Ссылка на закон «Об обеспечении доступа к информации о деятель-

Резюмируя изложенное, выскажем формирующуюся точку зрения о том, что фактические правоотношения определяют необходимость оптимизации законодательства посредством объединения рассмотренных выше федеральных законов. О ведущей роли для правотворчества истинно сложившихся общественных отношений и явлений говорили многие исследователи. А.В. Мицкевич справедливо замечал, что исследование возникновения и развития социальных процессов должно предопределять их закрепление в законе. Новые социальные роли, условия должны устояться в обществе, прежде чем получить общественное признание и органично встроиться в систему права [22, с. 240]. А. Нашиц утверждал, что позитивное право является фактором, обуславливающим процесс правотворчества государства, но находящимся за пределами этого процесса [13, с. 7–11]. Ю.А. Тихомиров, рассуждая о процессе правотворчества, к первому этапу относил исследование всех явлений, которые нуждаются в правовой регламентации, а в последующем определяется уполномоченный субъект, разрабатывающий концепцию и принимающий акт [18, с. 255–259].

Таким образом, с учётом совпадения сроков обработки запросов и обращений, фактически сложившихся отношений, идентичности самих категорий, представляется обоснованным внести в закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» изменения и дополнения, позволяющие поглотить закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов...». В законе «О порядке рассмотрения обращений

граждан» следует дополнить определение заявления как формы обращения таким действием, как «предоставление информации» либо установить дополнительную форму обращения – запрос о предоставлении информации. Кроме того, закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» следует дополнить статьями, касающимися принципов обеспечения доступа к информации, основных требований при обеспечении доступа к информации, предоставления информации на платной и бесплатной основах и др.

До настоящего момента мы в наших рассуждениях останавливались лишь на законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов ...», однако, прежде был упомянут закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ». Заметим, что оба закона регулируют порядок предоставления сведений о деятельности органов власти. Следуя в этом направлении, укажем, что множественность законов, действующих в одной и той же области, совершенно закономерно способствует пересечению сфер их действия. Продемонстрировать это замечание можно путём сравнения упомянутых актов. В них практически одинаковые оглавления, количество и тексты статей, пересекающиеся сферы действия, аналогичные общие понятия, принципы [6].

В итоге законодательство в рассматриваемой сфере характеризуется как казуистичное, увеличение количества одноуровневых нормативно-правовых актов приводит к разночтениям и несогласованностям. Так, С.В. Поленина отмечала, что излишняя множественность правовых актов, наличие

несоответствий между ними влекут неэффективность правового регулирования [18, с. 349]. Можно добавить к высказыванию – «лишние» правовые акты загромождают, увеличивают количество правовых предписаний, усугубляют поиск требуемых норм. Избавиться от таких недостатков невозможно одними изменениями и дополнениями. Как правило, при внесении поправок что-то оказывается неучтенным, и отрасль законодательства так и остается не систематизированной.

Обратим внимание на некоторые различия. По закону «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов ...» запрос о предоставлении информации можно подать в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 2). При этом действие закона «О порядке рассмотрения обращений граждан» шире, поскольку последний предусматривает ещё и возможность обращения в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, а не только в органы власти. Такая сфера действия определена указанным ранее Постановлением Конституционного Суда РФ. Механизм рассмотрения обращений организациями, осуществляющими публично значимые функции, подкреплён изменением статьи 5.59 «Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан» Кодекса об административных правонарушениях, которая теперь предусматривает в качестве субъектов правонарушения и отмеченные организации.

Обратим внимание, что портал государственных услуг предусматривает

возможность запросить извещение о состоянии индивидуального лицевого счёта, что рассматривается не что иное, как запрос о предоставлении информации от организации, осуществляющей публично значимые функции (Пенсионный фонд РФ)¹. В результате практика реализации закона об обеспечении доступа фактически является более широкой по сравнению с его буквальной нормой. С учётом процитированных выше мнений о социальных детерминантах правовых норм становится возможным объединение законов «О порядке рассмотрения обращений граждан», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов ...» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ».

В завершение темы отметим, что разработчики закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов...» сослались на отсутствие «нормативного правового акта о механизме реализации права каждого свободно искать и получать информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления...»². Однако этот проект был принят позднее закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ», и потому необоснованной представляется озвученная позиция об отсутствии схожего нормативного акта.

¹ См. официальный сайт Электронного Правительства (<https://www.gosuslugi.ru>).

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», внесенного 19.01.2007 г. в Государственную Думу Правительством РФ (письмо № 203п-П44).

Добавим, что закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» был принят в 2006 г. и принятие в последующем двух практически идентичных законов об обеспечении доступа к информации о деятельности органов власти, очевидное заимствование контрольных сроков обработки говорит о склонности законодателя к увеличению количества одноуровневых нормативных актов, что, в свою очередь, приводит к развитию ситуативности законодательства [7].

Говоря о тенденциях развития современного законодательства, И.Н. Сенякин, среди трех выделяемых им направлений, указывает на процессы, содействующие унификации: интеграцию, универсализацию, издание комплексных нормативных актов [25, с. 421–426]. С точки зрения Н.И. Матузова, при решении многих значимых проблем федеративное законодательство соотносит с республиканскими правовыми системами такие тенденции, как специализация и унификация. По его словам, «они – отражение реальной жизни, её сложности, динамичности, разнообразия» [11, с. 255]. О проблемах, связанных с унификацией отраслевого законодательства, также писали другие авторы [3; 9, с. 6–7; 23, с. 22].

Таким образом, унификация рассматривается как направление развития законодательства и отражение реально сложившихся социальных отношений. Кроме того, как аргументировано выше, в рассмотренном случае именно унификация соответствует внутренней сущности систематизируемых правоотношений. Полагаем, что слияние федеральных законов «Об обеспечении доступа к информации

о деятельности судов в РФ», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «О порядке рассмотрения обращений граждан» посредством внесения изменений в последний названный закон будет способствовать гармонизации структуры информационного законодательства и упорядочению единообразных общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2002. 800 с.
2. Бачило И.Л. Информационное право: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 522 с.
3. Бачило И.Л., В.В. Бондуровский, М.А. Вус и др. О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1 (32). С. 24–27.
4. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 789 с.
5. Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Понятие и содержание права на доступ к информации // Гражданин и право. 2013. № 4. С. 11–26.
6. Гольяпина И.Ю. Направления совершенствования правового обеспечения права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти // Проблемы права. 2014. № 2. С. 126–129.
7. Гольяпина И.Ю. Система информационного законодательства: вопросы теории // Проблемы права. 2014. № 3. С. 95–99.
8. Конституция Российской Федерации: научно-практич. комментарий /

- под. ред. Б.Н. Топорнина, 3-е изд. М.: Юристъ, 2003. 831 с.
9. Костенников М.В. Теоретические проблемы кодификации административного права России: автореф. дисс ... д. ю.н. М., 2000. 344 с.
10. Лапина М.А., Ревин А.Г., Лапин В.И. Информационное право: учеб. пособ. М.: Юнити-Дана, 2004. 335 с.
11. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 294 с.
12. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Известия. 2009. 11 сент.
13. Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М.: Прогресс, 1974. 256 с.
14. Обращения граждан // Омский областной суд [сайт]. URL: <http://obljud.omsk.sudrf.ru/modules.php?name=gbook&op=1> (дата обращения: 20.02.2015 г.)
15. Обращения граждан / Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/letters/> (дата обращения: 20.02.2015 г.)
16. Об обращениях граждан поступивших в Правительство Российской Федерации в ноябре 2014 года // Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/overviews/15947/> (дата обращения: 20.02.2015 г.)
17. Обзоры о поступивших обращениях граждан ... // Управление федеральной миграционной службы по Омской области [сайт]. – URL: <http://www.ufms.omsk.ru/www/ufms.nsf/0/7DA5C89008FF1309C6257C6F001E34DE?OpenDocument> (дата обращения: 20.02.2015 г.)
18. Общая теория государства и права: акад. курс в 3-х т. [Т. 2] / отв. ред. Н.М. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.
19. Павлов И.Ю. Правовое обеспечение доступа к официальной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 34 с.
20. Пиголкин А.С. Проблемы систематизации законодательства Российской Федерации // Закон: создание и толкование. М.: Спарк, 1998. 283 с.
21. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4470.
22. Проблемы общей теории прав и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 832 с.
23. Стахов А.И. О систематизации и унификации отечественного административно-процессуального законодательства // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 22–24.
24. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: распоряжение Президента РФ от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Рос. газета. – 2008. 16 февр.
25. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 776 с.
26. Тиновическая И.Д. Право на информацию и механизм его реализации // Законодательные проблемы информатизации общества (Тр. № 52). М.: ВНИИСЗ, 1992. С. 29–41.
27. Федосеева Н.Н. Право граждан на доступ к информации в Российской Федерации // Гражданское право. 2007. № 3. С. 6–11.
28. Хохлов Е. Комментарий к новому Закону об информации // Корпоративный юрист. 2007. № 1. С. 3–6.

РАЗДЕЛ II. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 346.7

Василенко О.В.

Московский институт предпринимательства и права

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы правового определения понятий «инновация» и «инновационная деятельность», в частности, легальные определения этих понятий, получившие законодательное закрепление на федеральном и региональном уровнях; и авторские дефиниции, содержащиеся в современной правовой литературе. Дискуссионность вопроса связана с несовершенством российского законодательства в области правового регулирования инновационной деятельности; с «экономическим оттенком» правоведческих суждений и отсутствием единой научной концепции в отношении рассматриваемых понятий. Терминологическое определение базовых понятий составляет необходимое условие для нормативного обеспечения инновационного сектора экономики, создания действенных и удобных правовых механизмов инновационного развития в стране.

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, терминологическое определение, правовое регулирование.

O. Vasilenko

Moscow Institute of Entrepreneurship and Law

THE PROBLEM OF DEFINING “INNOVATION” AND “INNOVATION ACTIVITY” IN LEGAL DOCUMENTS

Abstract. The paper considers the definitions of the concepts “innovation” and “innovation activity” in federal and regional laws and authors’ definitions of the terms in present-day legal literature. The debated problem is the imperfection of the Russian legislation in the area of legal regulation of innovative activities, the presence of “economic flavor” in jurisprudential judg-

© Василенко О.В., 2015.

ments and the absence of a fundamental theory that would embrace the analyzed concepts. The terminological definition of the basic concepts would provide necessary conditions for the legal support of the innovation segment of the national economy and the creation of efficient and convenient legal tools for Russia's innovative development.

Key words: innovation, innovation activity, terminological definition, legal regulation.

Экономическое развитие страны, повышение конкурентных преимуществ российской экономики в настоящее время невозможно без перехода от сырьевой экономики к так называемой «экономике знаний», для которой основными факторами, определяющими экономический рост в долгосрочном плане, являются новые знания и инновации. Наглядным примером преимущественного использования экономики знаний, внедрения инноваций, развития и внедрения новых технологий могут являться такие страны как Швейцария, Великобритания, Швеция, Финляндия, США, Сингапур, Дания, Люксембург, Гонконг. Перечисленные страны занимают первую десятку в рейтинге стран по индексу, отражающего эффективность инновационного развития в 2014 г.¹ Россия по этому индексу находится только на 49 месте. Перечисленные выше страны находятся на лидирующих позициях так же по динамичности экономического развития² (в 2013 г. Россия – 43

место); и по уровню «процветания»³ (в 2013 г. Россия – 61 место).

Анализ статистических данных позволяет отметить взаимосвязь важнейших показателей, отражающих уровень благосостояния населения, с развитием инноваций в нашей стране. В связи с этим, «формирование новой модели экономического роста, основанной в значительной степени на <...> постоянных инновациях» [2], является одной из первостепенных задач, стоящей перед российской экономикой. Стоит отметить, что, признав необходимость инновационного развития страны в 1998 г.⁴, до настояще-

в сотрудничестве с исследовательским центром The Economist Intelligence Unit. Составлен из 22 показателей, которые объединены в пять контрольных групп («бизнес-среда», «экономический рост», «наука и технологии», «труд и человеческий капитал», «финансовая среда»), определяющих динамику экономического развития той или иной страны. Под динамизмом развития авторы исследования понимают изменения в экономике страны, которые способствуют быстрым темпам её роста. Исследование основано на методологии экспертных оценок.

³ The Legatum Prosperity Index (<http://www.prosperity.com>): публикуется с 2006 г. британским аналитическим центром The Legatum Institute. Рейтинг каждой страны определяется путем вычисления средневзвешенного значения 79 показателей, объединенных в восемь категорий, которые отражают различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния. Показатели базируются на статистическом анализе, социологических исследованиях и экспертных оценках участников опросов.

⁴ См. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.1998 г. № 832 «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы».

¹ The Global Innovation Index (<http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home>): рассчитывается по методике международной бизнес-школы INSEAD (Франция) в сотрудничестве со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ООН) и Корнельским ун-том (США). Исследование проводится с 2007 г. Индекс представляет собой соотношение двух групп из 80 показателей: затрат (располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций) и эффекта (достигнутые практические результаты осуществления инноваций).

² Global Dynamism Index (<https://globaldynamismindex.com/gdi.html>): публикуется с 2011 г. аудиторской компанией Grant Thornton

го времени в России «и на экспертном уровне, и на уровне принятия политических решений отсутствует единый подход к понятию «инновации»» [7]. До сих пор нет единого мнения и в отношении трактовки понятия «инновационная деятельность». Кроме многозначности подходов к определению терминов, некоторыми учёными ставится также вопрос и о том, какой из этих терминов является базовым: «инновация» или «инновационная деятельность», результат или процесс [3, с. 26; 11]?

Таким образом, можно говорить о проблеме терминологического определения основополагающих понятий в области инновационной деятельности, что является существенным препятствием для формирования комплексной нормативной правовой основы. Как верно отмечает О.М. Белоусова, «проблема терминологии является одной из основных проблем, которая неизбежно возникает при попытке организовать механизм регулирования инновационных отношений, и с решения которой на доктринальном научном уровне нужно начинать формирование целостной нормативно-правовой системы регулирования определённой сферы общественных отношений» [15].

Подобная неоднозначность в подходах к определению рассматриваемых понятий может быть обусловлена особенностями той области научных знаний, в рамках которой данные термины применяются. Так, понятие «инновация», первоначально являясь предметом изучения культурологов и этнографов [13; 16], использовалось как антоним слова «традиция» и означало введение некоторых элементов одной культуры в другую. Более вос-

требуемым понятие «инновация» стало в среде экономистов, аргументировавших необходимость и эффективность инновационного развития с точки зрения влияния инноваций на экономический рост. Получив широкое распространение в экономической науке и даже оформившись в теорию инноваций [10; 17–18], понятие «инновация» в экономической литературе, тем не менее, не получило однозначной трактовки.

Так, основоположник теории инноваций Й. Шумпетер под «инновациями» понимал «изменения с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности» [14]. Б. Твисс определял инновацию как «процесс, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание» [14]. Ф. Никсон считал, что инновация – это «совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых или улучшенных промышленных процессов и оборудования» [14]. Согласно Б. Санто, инновация – «это такой общественно-техничко-экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий, и в случае, если инновация ориентирована на экономическую выгоду, прибыль, её появление на рынке может принести добавочный доход» [14]. Ю.В. Яковец связывает инновации с «качественными изменениями в производстве, которые могут относиться как к технике и технологии, так и к формам орга-

низации производства и управления» [14]. Р.А. Фатхутдинов определяет инновации как «конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического и другого вида эффекта» [14].

Таким образом, даже краткий анализ трудов экономистов позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к определению понятия «инновация». Однако, несмотря на многообразие взглядов, представителей экономической науки объединяет фокусирование на материальной сфере. Совершенно справедливо отмечает М.В. Волюнкина: «В современной экономической науке границы применения этого термина из сугубо прагматических соображений продолжают замыкаться на сфере материального производства, а сам инновационный процесс рассматривается как промышленное применение новых технологий» [3, с. 25]. То есть происходит сужение данного понятия до сферы материального производства, часто не принимаются во внимание инновации в области медицины, образования, науки, культуры, управления персоналом и др.

Несомненно, всякое экономическое отношение требует юридического закрепления, создания особых связей, охраняемых государством. Как верно писал В.П. Грибанов, «особенность права состоит в том, что оно выражает и закрепляет экономические отношения» [4]. Очевидно, что инновационная сфера деятельности человека также не может существовать исключительно в области экономики. Для эффективного развития инновационной деятельности, создания бла-

гоприятных условий для внедрения и использования инноваций необходимо создание грамотной нормативно-правовой основы, важнейшей составной частью которой является наличие единого, непротиворечивого, комплексного понятийного аппарата. Поскольку в настоящее время российская инновационная политика находится в стадии становления, то проблему терминологического определения понятий «инновация» и «инновационная деятельность» можно обозначить как одну из ключевых в процессе формирования механизма правового регулирования отношений в этой сфере.

Одной из проблем правового определения понятий «инновация» и «инновационная деятельность» можно назвать несовершенство российского законодательства в области инноваций, касающееся легального определения рассматриваемых понятий как на федеральном, так и на региональном уровнях. На сегодняшний день на федеральном уровне определения понятий «инновация» и «инновационная деятельность» получили своё закрепление в законе «О науке и государственной научно-технической политике»¹. Данный закон изначально регулировал отношения между субъектами научной и (или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и (или) научно-технической продукции (работ и услуг). В 2011 г. в закон были включены нормы, направленные на регулирование отношений, связанных с предоставлением государ-

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (последние изм. и доп. вступили в силу с 01.01.2014 г.)

ственной поддержки инновационной деятельности. Таким образом, в законе получили легальное закрепление понятия «инновация» и «инновационная деятельность»:

«инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях»;

«инновационная деятельность – деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение её деятельности».

Что касается регионального законодательства, то до внесения в закон «О науке и государственной научно-технической политике» изменений, касающихся включения в него понятий, связанных с инновациями (2011 г.), можно было отметить отсутствие единого подхода к формулированию основополагающих для инновационного законодательства понятий. Последнее во многом объяснялось отсутствием закрепленных на федеральном уровне терминов и попытками региональных законодателей сформулировать базовые понятия самостоятельно. В настоящее время во многих регионах внесены поправки в соответствующие законодательные акты. И, если ранее понятия «инновации» и «инновационная деятельность» имели различные трактовки в различных субъектах, то сегодня региональные законодатели используют данные понятия с отсыл-

кой¹ на федеральный закон или используют определения, идентичные федеральному закону².

Тем не менее встречаются и иные формулировки. Например, в Законе Республики Тывы³ «инновационная деятельность» сформулирована как «выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на: создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг); создание и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) производства, распространения и использования продукции (товаров, работ, услуг); применение структурных, финансово-экономических, кадровых, информационных и иных инноваций (нововведений) при выпуске и сбыте продукции (товаров, работ, услуг), обеспечивающих экономию затрат или создающих условия для такой экономики».

Казалось бы, наличие легальных формулировок, закреплённых в фе-

¹ Закон Курской области от 29.10.2013 г. № 97-ЗКО «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курской области»; Закон г. Москвы от 06.06.2012 г. № 22 «О научно-технической и инновационной деятельности в городе Москве»; Закон Мурманской области от 08.04.2014 г. № 1723-01-ЗМО «О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Мурманской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Мурманской области».

² Закон Воронежской области от 06.10.2011 г. № 133-ОЗ «Об инновационной политике Воронежской области» (действ. ред. от 10.06.2014 г.); Закон Липецкой области от 27.10.2010 г. № 425-ОЗ «Об инновационной деятельности в Липецкой области» (действ. ред. от 18.06.2014 г.)

³ Закон Республики Тыва от 21.12.2010 г. № 237 ВХ-1 «Об инновационной деятельности в Республике Тыва».

деральном законодательстве, и продублированных в региональном, является решением проблем правового понимания данных терминов. Однако возникает вопрос: почему термины «инновация», «инновационная деятельность», важной составляющей которых наряду с научным, интеллектуальным и техническим аспектами является успешная коммерческая реализация, включены в закон «О науке и государственной научно-технической политике»? Являются ли данные определения достаточными для обеспечения правореализационной и правоприменительной деятельности в отношении данных понятий?

Вероятно, что в решение многих правовых вопросов, непосредственно связанных с инновациями, мог бы внести ясность комплексный закон об инновациях, включающий не только основные понятия в данной области, но и полномочия органов государственной власти, прямые и косвенные меры государственной поддержки субъектов инновационной деятельности и другие нормы, позволяющие внести определённую в процессы создания и внедрения инноваций, реализации инновационных проектов.

Действующие в настоящее время нормативные правовые акты, регулирующие инновационную деятельность, не всегда находят положительного отклика со стороны учёных-правоведов. Как отмечает М.В. Волынкина, «законодательство об инновациях, выступая значительным по объёму нормативным образованием, не выглядит профессионально – оно в значительной степени устраивает политиков, но не юристов» [3, с. 45]. Существующие проблемы законодательного оформле-

ния инновационной деятельности во многом связаны с тем, что «теоретическая сторона этого процесса остаётся не до конца подкреплённой необходимыми научными исследованиями в области права, отсюда и неустойчивость позиции законодателя» [3, с. 124].

Значительное количество научных работ, посвящённых изучению инноваций, инновационной деятельности, правовому регулированию инновационной деятельности подтверждают продолжающийся поиск возможных оптимальных правовых конструкций. Так, М.В. Волынкина в своём исследовании определяет термин «инновация» «в качестве родового понятия, объединяющего в своем содержании различные охраняемые и неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности, находящиеся на той стадии своего бытия, когда они выражены в объективной форме и способны удовлетворять общественные потребности на рынке товаров, работ, услуг» [3, с. 16]. А Н.Э. Килин рассматривает понятие «инновация» как «объект интеллектуальной собственности, использующийся в сфере создания и введения на рынок высокотехнологичных товаров (работ, услуг) с новыми потребительскими свойствами» [8, с. 116].

Интерес представляет определение, включающее перечень тех результатов инновационной деятельности, которые могут являться инновациями: «Инновация – конечный результат освоения и внедрения результатов интеллектуальной деятельности в виде изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, баз данных, ноу-хау, программ для ЭВМ, результатов НИР и

НИОКР, получивший реализацию в виде технологически нового товара или процесса, используемого в экономическом обороте (практической деятельности) с целью извлечения прибыли» [12, с. 29]. Надо отметить, что в представленных выше дефинициях «инновации» рассматриваются как результат интеллектуальной деятельности. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой «инновации» являются результатом инновационной деятельности. Например, А.С. Звездиной предлагается определить «инновации» как результат инновационной деятельности, включающий «объекты интеллектуальной собственности, ноу-хау, а также другие результаты творческой деятельности и связанные с их коммерциализацией работы и услуги в рамках данной деятельности» [6, с. 53]. Как результат, возникает проблема понимания «природы» инноваций: инновация – это процесс или продукт (результат) деятельности? Однако и тот, и другой подход к пониманию понятия «инновация» позволяет выделить, наряду с техническим и экономическим элементами, такую важную составляющую понятия «инновация» как интеллектуальный аспект, требующий особого правового регулирования.

В отношении определения понятия «инновационная деятельность» в научной литературе наблюдается более неоднозначный подход. Так, инновационную деятельность предлагается рассматривать как «преобразование результатов научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, или технологический процесс, реализуемый на рынке» [9, с. 48]. Иное определение

сформулировано М.В. Волынкиной, которая определяет «инновационную деятельность» как «деятельность по созданию и вовлечению в имущественный оборот новых знаний, обладающих признаками правовой охраны <...> Применительно к правовому регулированию эту деятельность можно представить в виде последовательно сменяющихся правовых отношений, опосредующих действия, в ходе совершения которых новшество вызревает от идеи до конкретного продукта, технологии или услуги и распространяется при практическом использовании» [3, с. 184].

Определяется «инновационная деятельность» и в качестве экономической деятельности, направленной на «решение социально-экономических и иных проблем посредством создания и внедрения (практического применения) результатов интеллектуальной деятельности в различные сферы общественной жизни для получения нового или усовершенствованного товара, услуги, технологического процесса, организации управления» [1, с. 13]. Предлагается рассматривать «инновационную деятельность» также как вид предпринимательской деятельности. Например, «инновационная деятельность – это вид предпринимательской деятельности, она осуществляется самостоятельно, на свой риск, направлена на получение прибыли от внедрения научно – технических или научно – технологических достижений в технологические процессы, новые или усовершенствованные товары, услуги, реализуемые на внутреннем и внешнем рынках, субъектами инновационной деятельности» [6, с. 83].

В отношении подобной трактовки

ряд авторов вносят замечание о том, что предпринимательская деятельность является лишь одной из граней инновационной деятельности, приводя в качестве подтверждения такого понимания изначальную цель инновационной деятельности, связанной не с получением прибыли, а созданием качественно нового продукта. Поэтому инновационная деятельность на начальных этапах своего развития может не приносить коммерческого дохода (прибыли) [5, с. 26].

Изучение научных источников позволяет сделать вывод о многообразии подходов к определению сущности понятий «инновация» и «инновационная деятельность», оставляя проблемы терминологического определения понятий «инновация» и «инновационная деятельность» дискуссионными и актуальными. Таким образом, среди проблем, связанных с правовым определением понятий «инновация» и «инновационная деятельность», можно выделить следующие: наличие так называемого «экономического оттенка» рассматриваемых понятий; несовершенство российского законодательства в области правового регулирования инновационной деятельности; отсутствие единой выработанной научной концепции в отношении рассматриваемых понятий.

В связи с этим, учитывая высокую значимость полноценного инновационного развития российской экономики, представляется своевременным решить проблемы, связанные с терминологическим определением таких базовых понятий как «инновация» и «инновационная деятельность». Это необходимое условие для комплексного нормативного правового обе-

спечения инновационного сектора экономики, создания действенных и удобных правовых механизмов в области инновационного развития в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Буртовой М.Ю. Административно-правовое регулирование инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 32 с.
2. Бюджетное послание Президента России о бюджетной политике в 2012-2014 годах // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/11779#sel=25:1,25:21> (дата обращения: 29.12.2014 г.)
3. Волынкина М.В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 331 с.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. изд. 2-е. М.: Статут, 2001. 411 с.
5. Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 332 с.
6. Звездкина А.С. Инновационная деятельность в России: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 177 с.
7. Иванов В.В. Инновационная политика России: проблемы и перспективы // Экономические стратегии. 2011. № 2. С. 20–25.
8. Килин Н.Э. Правовое регулирование инновационной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 241 с.
9. Колесников С.И. Инновационная деятельность как фактор повышения инвестиционной привлекательности регионов // Проблемы инновационной деятельности, интеллектуальной собственности и российских наукоемких технологий (сб. тезисов). М.: Фонд «На-

- следие Евразии», 2004. С. 47–55.
10. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
 11. Кулагин А.С. Немного о термине «инновация» // Инновации. 2004. № 7. С. 56–59.
 12. Марданшина Е.А. Правовое положение субъектов инновационной деятельности в сфере предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 191 с.
 13. Сирак В.А. Роль культурных инноваций в развитии общества // Успехи современного естествознания. 2010. № 3. С. 96–97.
 14. Соколова О.Н. Инновационный менеджмент: учеб. пособ. М.: Кнорус, 2013. 178 с.
 15. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации / под ред. О.М. Белоусовой. М.: Академия Естествознания, 2011. 195 с.
 16. Столярова Т.А. Инновации как социальный феномен: автореф. ... канд. философ. наук. М., 2009. 26 с.
 17. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 854 с.
 18. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. 382 с.

УДК 346

Васильева О. Н.¹, Середа А.В.²¹ *Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)*² *ООО «Центр юридической помощи» (г. Москва)*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены понятие коллекторской деятельности и проблема её правового регулирования договором цессии и агентским договором, законом «О потребительском кредите», который на данный момент является единственным специальным нормативным актом, касающимся деятельности коллекторских организаций в России. Разрешение коллизии в вопросе о правомерности передачи права требования коллекторам по кредитному договору в законе «О потребительском кредите», по мнению авторов, не содержит достаточно эффективного механизма, который мог бы оградить заемщика от нежелательного для него взаимодействия с коллекторскими организациями. Выявлено расхождение нормы этого закона и Кодекса об административных правонарушениях в части ответственности коллекторов, работающих по агентскому договору, за неправомерные действия. Указано на не урегулированный характер ответственности коллектора в случае договора возмездного оказания услуг по взысканию просроченной задолженности, а также сохранения им сведений, составляющих банковскую тайну, помимо случая договора цессии.

Ключевые слова. потребительское кредитование, коллектор, договор цессии, агентский договор, взыскание задолженности.

O. Vasiliev¹, A. Sereda²¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)*² *LLC «The center of the legal assistance» (Moscow)*

THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COLLECTION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the concept of collection activities and analyses their legal regulation by a range of standard acts including On Consumer Loan Act. According to the authors the lawfulness of the transfer of loan agreement claims to collectors stated in the mentioned act is rather doubtful as it is not provided by an effective mechanism of defending the borrower from an undesirable encounter with collection bodies. Some discrepancy has been revealed between the provisions of the On Consumer Loan Act and the Code on Administrative Offences concerning the responsibility for misconduct of collectors working under the agency agreement. Except the case of contact assignment collector's responsibility is not properly regulated both in event of debt collection under paid service agreement and in preserving bank secret data.

Key words: consumer crediting, collector, contract assignment, agency agreement, debt collection.

Развитие сферы кредитования физических лиц в России привело к росту объемов просроченной задолженности. Последняя (по состоянию на июль 2014 г.) превышала 500 млрд. рублей, что составляло около 5 % от суммы всех заёмных обязательств. В результате увеличивается количество дел по принудительному взысканию просроченной задолженности с физических лиц в судах общей юрисдикции. Вне-судебный порядок разрешения споров в этих случаях позволил бы не только избежать лишних затрат в виде уплаты государственной пошлины, но и существенно сократил сроки погашения заёмщиком задолженности перед кредитором. Важнейшая роль во внесудебном порядке отводится коллекторским организациям, осуществляющим взыскание задолженности на постоянной основе. В то же время, деятельность коллекторских организаций ещё не получила должного правового регулирования, что приводит к возникновению на практике ряда проблем и даже правонарушений, связанных с коллекторами.

По нашему мнению, под коллекторской следует понимать деятельность, осуществляемую от имени коллектора или от имени кредитора, направленную на погашение задолженности перед кредитором должником либо на принудительное взыскание задолженности; а также связанную с приобретением денежных требований к должникам коллекторским агентством с целью их самостоятельного предъявления. Необходимость введения деятельности коллекторских агентств в правовое поле неоднократно подчёркивалась как в теоретических исследованиях [1, с. 43], так и в ненор-

мативных актах государственных органов. Так, например, Федеральная служба судебных приставов (ФССП) в своем письме отмечает, что «систематически выявляемые правоохранительными органами злоупотребления со стороны коллекторских агентств свидетельствуют о необходимости принятия соответствующего закона, устанавливающего правила создания и функционирования указанных организаций под контролем государства»¹. При этом, коллекторские организации выступают как профессиональные взыскатели, а не как «частные приставы», таким образом, они не должны наделяться правом на осуществление исполнительного производства.

На сегодняшний день существует несколько проектов о регулировании такой деятельности. Ассоциация российских банков разработала проект закона «О коллекторской деятельности», который рассматривает предмет регулирования и сферу действия закона, субъекты деятельности (коллекторское агентство, кредитор, должник), их права и обязанности, основные принципы осуществления коллекторской деятельности, страхование риска профессиональной ответственности коллекторского агентства и прочие существенные аспекты. Минэкономразвитием опубликован проект закона «О деятельности по взысканию просроченной задолженности», который устанавливает регламентацию деятельности взыскателей, права должников, права и обязанности кредиторов, поручающих субъектам кол-

¹ См.: Письмо ФССП РФ от 08.08.2011 г. № 12/02-19354-АП «О деятельности негосударственных организаций, занимающихся возвратом задолженности (коллекторских агентств)».

лекторской деятельности взыскание просроченной задолженности либо заключающих с ними договор об уступке требования.

Деятельность коллекторских организаций по взысканию просроченной задолженности основывается, как правило, на договоре цессии или агентском договоре с кредитной организацией, которая уступает право требования по договору с заёмщиком либо наделяет коллектора правом действовать от имени и по поручению кредитора. При этом сама возможность уступки права требования по кредитному договору организации, не имеющей банковской лицензии, не раз становилась предметом многочисленных судебных споров. Позиции высших судов по данному вопросу разошлись. Так, Верховный суд РФ в постановлении своего Пленума отметил, что переуступка права требования коллекторской организации возможна только в том случае, если соответствующее условие было включено в кредитный договор [5, см. п. 51]. Высший Арбитражный суд, в свою очередь, посчитал, что такая уступка не запрещена действовавшим на тот момент законодательством, а значит, кредитная организация ничем не ограничена в выборе потенциального цессионера [3, см. п. 16]. Третья позиция по данному вопросу была высказана Роспотребнадзором, который, защищая права потребителей-заемщиков, отметил, что у коллекторов отсутствует право на вступление в кредитные правоотношения с гражданами ввиду отсутствия у них банковской лицензии [4].

При этом из всех указанных позиций обязательной для судов являлась исключительно позиция Верховного

суда, которая в значительной степени ограничивала возможность участия коллекторских организаций в деятельности по взысканию просроченной задолженности. Для того, чтобы отменить данный запрет, ряд крупнейших коллекторских агентств обратился в Конституционный суд РФ с требованием признать неконституционными ряд положений Гражданского кодекса РФ о договоре цессии и кредитном договоре, положений Закона о защите прав потребителей, Закона о банках и банковской деятельности, а также п. 51 Постановления Пленума ВС РФ № 17 от 28.06.2012 г., поскольку в совокупном прочтении они «не допускают уступку права требования уплаты долга по кредитному договору, заключённому между кредитной организацией и физическим лицом (потребителем) в пользу организации, не имеющей лицензии на право осуществления банковской деятельности, без согласия заёмщика или заведомо согласованной возможности такой уступки в кредитном договоре». Тем не менее, Конституционный суд, проверив доводы заявителя, не нашёл оснований для удовлетворения заявленных требований и отказал в принятии жалобы к рассмотрению¹.

Несмотря на наличие трёх взаимоисключающих позиций различных ор-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 г. № 608-О «Об отказе в принятии жалобы открытого акционерного общества «Первое коллекторское бюро», общества с ограниченной ответственностью «Компания траст» и других на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

ганов исполнительной и судебной власти, вопрос о правомерности передачи права требования коллекторам по кредитному договору достаточно длительное время не принимался во внимание органами власти законодательной. Всё это вело к отсутствию единообразной судебной практики по данному вопросу: нередко суды первой инстанции при вынесении решения¹ руководствовались исключительно нормами Гражданского кодекса РФ, не принимая во внимание Постановление Пленума ВС РФ № 17 от 28.06.2012 г.

Окончательную ясность в данный вопрос внес принятый в декабре 2013 г. федеральный закон № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в котором законодатель указал, что переуступка права требования по договору потребительского кредита возможна в том случае, если она не была прямо запрещена договором. Таким образом, законодатель «принял сторону» коллекторских организаций и легализовал их деятельность по взысканию просроченной задолженности. При том, что сам по себе упомянутый закон ориентирован в пользу заёмщика, закрепление в нем позиции Верховного Суда РФ по вопросу о возможности переуступки задолженности по кредитному договору организации, не обладающей банковской лицензией, было бы логично и целесообразно. Фактически право заёмщика при заключении договора оговорить в индивидуальных условиях запрет на пере-

уступку долга коллекторам является фикцией: во-первых, кредитная организация вправе отказать заёмщику в выдаче кредита на таких условиях, а во-вторых, даже в случае наличия в договоре соответствующего пункта кредитная организация имеет право на заключение с коллектором агентского договора. Иными словами, существующее законодательство не содержит в себе достаточно эффективного механизма, который мог бы оградить заёмщика от нежелательного для него взаимодействия с коллекторскими организациями.

Как уже было отмечено, Закон о потребительском кредите на данный момент является единственным специальным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность коллекторских организаций в РФ. В ст. 15 данного акта законодатель обозначает допустимые способы взаимодействия коллекторов с должниками при совершении действий, направленных на внесудебное взыскание задолженности. К таковым относится взаимодействие путем телефонных переговоров, отправки различных сообщений по сетям электросвязи (т. н. «soft-collection») либо при личных встречах с должником («hard-collection»). Закон устанавливает основные рамки деятельности коллекторов, в частности, устанавливает время, в течение которого коллектор может взаимодействовать с должником. Однако при этом в законе отсутствуют какие-либо указания на допустимую периодичность данного взаимодействия, что может привести к возникновению случаев нарушения прав граждан-заёмщиков [2, с. 167].

Закон запрещает применять по отношению к должнику действия, на-

¹ См., например, решение Ленинградского районного суда Краснодарского края по делу № 2-1257/2014 от 29.10.2014 г. по иску ООО «Коллекторское Агентство «Содействие» к Тоцкому Р.А., об обращении взыскания на заложенное имущество, путем присуждения его в натуре.

правленные на причинение ему вреда. При этом в Кодексе административных правонарушений (КоАП) РФ была введена специальная ст. 14.57 по ответственности коллекторских организаций, действующих на основании агентского договора с кредитором. Исходя из диспозиции данной статьи, основанием для привлечения к ответственности является совершение коллекторской организацией действий не предусмотренных законодательством РФ о потребительском кредите. При этом в ст. 15 Закона о потребительском кредите дан открытый перечень видов возможных сообщений, при помощи которых осуществляется взаимодействие между коллектором и должников, а также содержится указание на то, что непоименованные в законе способы взаимодействия могут применяться в том случае, если это предусмотрено договором. Исходя из данной нормы, видится необходимым уточнение диспозиции ст. 14.57 КоАП РФ путем указания на возможность содержания перечня допустимых действий не только в законе, но и в договоре.

Необходимо отметить также, что Закон о потребительском кредите предусматривает только две формы взаимодействия коллектора с кредитором: на основании договора цессии и агентского договора. Однако на практике существуют и иные формы, например, кредитная организация и коллекторское агентство могут заключить договор возмездного оказания услуг, направленный на взыскание просроченной задолженности [6, с. 62]. Дословное толкование положений Закона о потребительском кредите и ст. 14.57 КоАП РФ позволяет сделать вывод, что данные нормы не распростра-

ются на такую модель отношений, а коллекторское агентство фактически освобождается от ответственности за совершение правонарушений. В этой связи целесообразно законодательное закрепление возможных форм взаимодействия коллекторов с кредитными организациями и определение понятия «лица, осуществляющего деятельность по возврату задолженности» в новой редакции: «организация, осуществляющая на основании доверенности, агентского договора или иного гражданско-правового договора юридические и (или) иные действия, направленные на возврат задолженности, возникшей по договору потребительского кредита (займа)».

Немало споров до принятия Закона о потребительском кредите возникало в отношении возможности передачи коллекторам сведений, составляющих банковскую тайну. С принятием Закона (см. ч. 3, ст. 12), была закреплена возможность такой передачи при условии наложения на коллектора-цессионера обязанности по обеспечению конфиденциальности и безопасности всех переданных ему данных, составляющих охраняемую законом тайну, а также возможность привлечения его к ответственности. При этом данная норма распространяется только на случай уступки права требования, но в случае заключения агентского либо иного договора коллектору также становится известна информация, составляющая банковскую тайну. Однако в последнем случае ни Закон о потребительском кредите, ни Закон о банках и банковской деятельности не содержат норм, устанавливающих ответственность коллектора за незаконное распространение информации,

составляющей банковскую тайну. Введение соответствующего положения в текст закона видится необходимым условием обеспечения защиты прав и законных интересов граждан в части хранения и передачи коллекторам информации, охраняемой государством.

Таким образом, принятие Закона о потребительском кредите является первоочередным законодательным шагом к приданию сложившимся общественным отношениям в данной сфере должного правового регулирования. Следующим шагом должно стать принятие федерального закона о коллекторской деятельности, который должен закрепить требования к коллекторским организациям, определить их правовой статус, основные принципы и порядок государственного регулирования коллекторской деятельности (в том числе и путем её лицензирования). Необходимо также внести в Особенную часть Уголовного кодекса РФ статью, вводящую уголовную ответственность за неправомерное осуществление коллекторской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоусов А.Л. Правовые аспекты передачи банками просроченной задолженности коллекторским организациям // Финансы и кредит. 2012. № 35. С. 42–48.
2. Васильева О.Н. К вопросу о сущности консалтинговых услуг // Основные направления экономического, правового, гуманитарного и информационного развития современного общества: доклады междунар. научно-практич. конф. (Белек, Турция, 16–23 мая 2010 г.). Тула: Левша, 2010. С.166–169.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 г. № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. С. 111–130.
4. Письмо Роспотребнадзора от 23.08.2011 г. № 01/10790-1-32 «О практике применения судами законодательства о защите прав потребителей при замене лица в договорном обязательстве (по делам с участием территориальных органов Роспотребнадзора)» // Экономика и жизнь: газета (официальные документы и разъяснения). 2011. 20 сент.
5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. 11 июля.
6. Рахимова Е.С. Взаимодействие банков и коллекторов: переуступка права требования или нарушение банковской тайны? // Юридическая работа в кредитной организации. 2013. №3. С. 61–71.

УДК 341.9.01

Козловская В.И.*Московский государственный областной университет*

КОЛЛИЗИОННЫЙ МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Принцип коллизионного регулирования международных частных отношений институализирует закономерность, опосредствующую те гражданско-правовые отношения с иностранным элементом, в которых не доминирует государственный интерес. Отсылочный характер метода, лежащего в основе такого регулирования, не уменьшает его роли. Автору представляется целесообразным принятие в Российской Федерации отдельного нормативного акта о международном частном праве и международном гражданском процессе. Только «партнерское» использование двух методов (коллизионного и материально-правового) открывает возможности для правового регулирования в международном частном праве, адекватного современному уровню развития общественных отношений международного и национального (регионального) характера.

Ключевые слова: коллизионная норма, коллизионно-правовой метод, материально-правовой метод, правоотношение с иностранным элементом, правовая система, частное право.

V. Kozlovskaya*Moscow State Regional University*

THE NATURE OF COLLISION METHOD OF LEGAL REGULATION IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abstract. The principle of collision regulation of international private relations institutionalizes the civil law relations with a foreign element which are not dominated by public interest. Although the underlying method is referential, its role is not in the least limited. The author finds it expedient to adopt a separate act on international private law and international civil litigation in the Russian Federation. It is only a collaborative use of two methods (collision and substantive legal) that affords opportunities for legal regulation in private international law which would meet the requirements of contemporary international and national (local) social relations.

Key words: collision norm, collision method, substantive legal method, legal relation with a foreign element, legal system, private law.

В международном частном праве традиционно выделяется два самостоятельных метода правового регулирования: коллизионно-правовой и материально-правовой, которые органически дополняют друг друга. При этом коллизионный метод присущ исключительно международному частному праву. Его содержание заключается в выборе компетентного правопорядка (то есть в выборе права государства), осуществляемого с помощью коллизионных норм. Данный спо-

соб регулирования детерминируется как «отсылочный». Коллизионная норма, указывая компетентный порядок, отсылает для определения прав и обязанностей участников гражданско-правового отношения к праву определённого государства. Сущность коллизионного метода заключается не в том, чтобы правовыми средствами непосредственно урегулировать специфичное общественное отношение, а в том, чтобы отыскать объективно существующую связь между правоотношением с иностранным элементом и национальной правовой системой, связать их друг с другом, и только таким опосредованным способом, используя объективно применимое материальное право, урегулировать частноправовое отношение с иностранным элементом [8, с. 52–54].

Материально-правовой метод, со своей стороны, исключает постановку коллизионного вопроса о выборе какого-либо национального права, так как существо правоотношения регулируется специально созданными материально-правовыми нормами, унифицированными в международных договорах, либо материально-правовыми нормами прямого действия, содержащимися в национальном праве [1; 3, с. 30–31]. Иначе говоря, это метод прямого действия.

В связи с особой значимостью коллизионного метода правового регулирования в международном частном праве, последними преобразованиями в области правового регулирования отношений с иностранным элементом, новацией процессуальных норм, регламентирующих судебное разбирательство дел участием иностранных лиц, представляется целесообразным

принятие в Российской Федерации федерального закона «О международном частном праве и международном гражданском процессе». Это позволит, во-первых, наиболее полно и последовательно определить и разграничить общие и специальные институты в данной сфере и, во-вторых, восполнить пробелы, устранить дублирование правовых норм и исключить противоречия. В законе следует сформулировать определения общих понятий международного частного права, таких как, квалификация и стадии квалификации, оговорка «о публичном порядке», принцип автономии воли сторон, «*lex causae*», «*lex benignitatis*» и других. Помимо этого в законе необходимо определить специфику коллизионно-правового регулирования отдельных институтов международного частного права.

Анализируя влияние новых теорий на развитие коллизионного регулирования, мы выявили тенденцию сближения путей развития международного частного права в европейских государствах и США. При этом, если в Европе уменьшается «жесткость» коллизионных привязок, появляется большая гибкость в этой области, то в США, наоборот, ограничивается слишком широкое, по мнению европейских учёных, судебское усмотрение [9, с. 12–14]. В связи с изложенным, представляется целесообразным создание свода или кодекса международного частного права в духе идей учёных-универсалистов 19 в. или современных специалистов в области унификации европейского частного права (например, О. Ландо). Такой правовой акт позволил бы: 1) унифицировать правовое регулирование частноправовых

отношений с иностранным элементом; 2) устранить коллизии в материальном законодательстве отдельных стран; 3) сократить число судебных разбирательств; 4) повысить степень правовой защищённости спорящих сторон от нарушений ими прав друг друга; 5) способствовать международно-правовому и деловому сотрудничеству; 6) обеспечить стабильность правового пространства.

Одной из актуальных проблем применения коллизионного метода правового регулирования отношений с иностранным элементом является проблема квалификации юридических понятий, содержащихся в коллизионной норме. В доктрине различаются три основных способа квалификации: а) по закону суда (*lex fori*); б) согласно праву, к которому отсылает коллизионная норма (*lex causae*); в) на основании правовых понятий, общих для различных правовых систем («автономная квалификация») [10, с. 110]. Ст. 1187 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) же указывает на два способа квалификации: по закону суда (общее правило) и по праву страны, к которому отсылает коллизионная норма. Причём последний способ квалификации используется в строго ограниченных случаях, субсидиарно к первому методу и по усмотрению суда [11].

По нашему мнению, разумно было бы дополнить перечень случаев применения способа квалификации по «*lex causae*» двумя ситуациями: 1) когда все или большая часть фактических обстоятельств связана с правом одного государства; 2) когда известно право, которому отношение подчинено в целом (применяется обязательствен-

ный статут договорного или деликтного обязательства, наследственный статут). В связи с этим п. 2 ст. 1187 ГК РФ следовало бы изложить в следующей редакции: «Если при определении права, подлежащего применению, юридические понятия, требующие квалификации, не известны российскому праву или известны в ином словесном обозначении или с другим содержанием и не могут быть определены посредством толкования в соответствии с российским правом, либо если все или большая часть фактических обстоятельств связана с правом иностранного государства, либо известно право, которому отношение подчинено в целом, то при их квалификации может применяться иностранное право».

Систематический анализ законодательства позволяет говорить о возможности применения и «автономной квалификации». Несмотря на то, что применение данного способа не предусмотрено ст. 1187 ГК РФ, следует принимать во внимание обязательность квалификации юридических понятий материально-правовых норм и коллизионных норм международных договоров по правилам толкования международных договоров (п. 3 ст. 1186 ГК РФ).

Исследуя проблему установления содержания норм иностранного права, можно констатировать, что (в соответствии с ч. 3 п. 2 ст. 1191 ГК РФ) по требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, бремя доказывания содержания норм иностранного права суд может возложить на стороны. Представляется, что данное правило нарушает принцип «*jura novit curia*» (суд знает право, которое применяет), являющийся основополагающим на-

чалом применения норм права судами в странах романо-германской системы права. Нормы иностранного права, как правила поведения, суд должен устанавливать самостоятельно. Однако в сфере предпринимательской деятельности действует множество корпоративных норм, партикулярных обычаев, которые могут быть не известны суду и самостоятельное установление их содержания может быть затруднительно. В связи с этим в ч. 3 п. 2 ст. 1191 ГК РФ следует добавить положение, что «по требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, на стороны может быть возложена обязанность по предоставлению сведений о содержании норм иностранного права».

В заключение считаем целесообразным указать, что сегодня всё более важное значение приобретает метод унифицированного материально-правового регулирования [3, с. 114–116; 4, с. 28–30], поскольку в современном мире стремление к унификации правовых норм как посредством заключения международных договоров универсального и регионального характера, так и путём принятия типовых законов является одной из основных общих тенденций развития международного частного права.

Унификация в международном частном праве – это две её основные разновидности. Унификация коллизивно-правовых норм, предполагающая установление государствами единых по содержанию коллизионных норм с целью определения применимого права в рамках тех или иных правовых институтов. В зависимости от того, какую правовую систему унифици-

рованная коллизийная норма признаёт применимой, конечное решение вопроса может существенно различаться, поскольку будут сохраняться различия те материально-правовые нормы, к которым отсылает унифицированная коллизийная норма. Унификация материально-правовых норм, представляет собой существенный шаг вперед по сравнению с унификацией коллизийных норм, поскольку устанавливаются единообразные материально-правовые нормы, а из этого следует, что можно говорить о единообразии правового регулирования в целом, ибо таким способом сглаживаются противоречия между правовыми системами отдельных государств.

Эти разновидности составляют единый правовой комплекс, т. к. характер регулируемых ими отношений является однородным. Единство этих методов состоит в том, что они, воздействуя на соответствующие отношения, обеспечивают их регулирование не иначе, как через преодоление коллизийной проблемы. В одном случае коллизийный вопрос устраняется с помощью специального прямого предписания, непосредственно определяющего права и обязанности участников отношений, и это открывает возможности применения материально-правового метода. В другом случае коллизийный вопрос решается на основе коллизийной нормы, и это ведёт к использованию коллизийного метода с его отсылочной функцией.

В науке международного частного права обозначилась тенденция в обосновании тезиса об исчерпании ресурса коллизийного метода правового регулирования, тупиковости его применения [6–7]. Так, Е.В. Кабатова

указывает, что «процесс сравнения материально-правовых норм для отыскания единственно необходимой, не нов для международного частного права. Однако если раньше он использовался как исключение, то в настоящее время применяется весьма широко. Такая динамика развития позволяет предположить, что <...> этот процесс в отдаленном будущем может вообще вытеснить классический коллизионный метод» [5, с. 12]. Мы считаем, что говорить о тупиковом характере коллизионного регулирования не обоснованно с теоретической точки зрения. Очевидно, что право регулирует общественные отношения, которые в свою очередь представляют материальное содержание и волевое опосредствование. Воля людей определяется материальными и социальными потребностями, которые присущи исторически конкретному типу социально-экономического уровня развития общества.

Будучи осознанными индивидами и преломленными через их сознание, а, с другой стороны, объективированные в массовом сознании социальных групп в социальной реальности, эти потребности выступают и как индивидуальные интересы людей, и как общие интересы государства и общества. В силу разнородности той объективной реальности, в которой находятся люди, общества и государства, полная унификация их потребностей и интересов в глобальном масштабе просто невозможна. Также следует учитывать, что процесс глобализации предполагает не унификацию, а осознание общности интересов международного сообщества, не противопоставление интересов личности интересам общества и государства, а их согласование

путем поиска взаимоприемлемого баланса.

Как следствие, в объективной реальности всегда будут присутствовать такие общественные отношения, опосредующие интересы личности и государства, которые отличаются от интересов других личностей и государств, но одновременно максимально согласованные с интересами международного сообщества. Подобного рода различия обусловлены всем комплексом условий (материальных, социальных, культурных, исторических и др.) жизни людей, обществ, государств. Этим объективным фактором обусловлено различие в правовом опосредствовании этих общественных отношений и, следовательно, возможности возникновения коллизий между правовыми системами, которые обслуживают различные общества. В первую очередь это заметно в брачно-семейных и наследственных отношениях, поскольку в них особенно сильны исторические и этнокультурные корни. Именно этот фактор социальной действительности создает объективную основу для использования коллизионного метода как сегодня, так и в будущем.

Коллизионный метод, будучи по своей природе отсылочным, имеет относительно ограниченную сферу применения: он действует только в области правового регулирования международных частных отношений в рамках подсистемы международного частного права – национальной правовой системы. В сфере общественных отношений, имеющих публичный характер (уголовные, государственные (конституционные), процессуальные), наличие в них иностранного элемента не обуславливает их опосредованного

правового регулирования. Такого рода отношения предопределяют необходимость их прямого, непосредственного правового регулирования с использованием материально-правового метода. Важно отметить, что в сфере административно-правовых отношений связанных с внешнеторговым и валютным законодательством, становится всё более заметной тенденция отказа от прямого правового регулирования. В качестве примера можно назвать швейцарское законодательство, в котором осуществлено нормативное закрепление возможности опосредованного регулирования публичных правоотношений с иностранным элементом, поскольку швейцарская доктрина исходит из того, что пока иностранная норма обслуживает частные интересы, суд не может отказаться от её применения только на основании того, что она принадлежит иностранному публичному праву [1, с. 46–50; 2, с. 115–116 и др.].

Так становится очевидным, что закономерность, обуславливающая опосредованное регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, где не доминирует государственный интерес, институализирована в принцип коллизионного регулирования международных частных отношений. В его основе лежит общий принцип тесной связи международного частного права, детерминирующий коллизионное, а не непосредственное регулирование международных частных отношений при условии, что в них доминирующим является не приоритет государственных интересов, а баланс интересов личности, общества и государства. Как видим, принцип коллизионного

регулирования является частным, однако его роль от этого не уменьшается. Таким образом, только «партнерское» использование двух методов (коллизионного и материально-правового), или, что то же самое, применение унифицированного метода правового регулирования отношений с иностранным элементом открывает возможности для правового регулирования в международном частном праве, адекватного современному уровню развития общественных отношений международного и национального (регионального) характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бирюкова Н.С. Проблема квалификации понятий в правоприменительной практике при разрешении споров с иностранными участниками // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 46–55.
2. Богуславский М.М. Международное частное право // 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2012. 704 с.
3. Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. 416 с.
4. Звеков В.П. Коллизионное право и статут частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 7. С. 28–34.
5. Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве // Международное частное право: современная практика. М.: ТОН-Остожье, 2000. С. 5–16.
6. Кабатова Е.В. Новый этап развития российского международного частного права // Российский ежегодник международного права, 2003. СПб.: Россия-Нева, 2003. С. 122–131.
7. Кичигина И.Л. Коллизионный и материально-правовой методы регулирования в международном частном праве:

- автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 39 с.
8. Кудашкин В.В. Коллизионные правоотношения в международном частном праве // Государство и право. 2006. № 2. С. 52–60.
9. Монастырский Ю.Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 47 с.
10. Николюкин С.В. Право, подлежащее применению к отношениям, осложненным иностранным элементом, по российскому законодательству: материально-правовой и коллизионный аспекты // Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 28–34.
11. Рубанов А.А.. Теоретические основы взаимодействия национальных правовых систем. М.: , 1984. 235 с.

УДК 347.426.42

Куркина Н.В., Водянова Н.Б.*Московский государственный областной университет*

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические основы интеллектуальной деятельности, закрепленные в законодательстве Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ результатов интеллектуальной деятельности как объектов гражданских прав и появления рынка продуктов интеллектуальной деятельности. Авторы выделяют особенности и общие признаки результаты интеллектуальной деятельности связанные с её идеальным (и рациональным) характером. Предложено авторское определение объекта интеллектуальной деятельности как родового понятия. При этом собственно правовое значение имеют и подлежат охране результаты интеллектуальной деятельности закреплённые в виде интеллектуальной собственности. Особое внимание обращается на произведения, как объекты гражданских прав.

Ключевые слова: гражданское право, результат интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность, идеальный объект.

N. Kurkina, N. Vodianova*Moscow State Regional University*

ON THE ESSENCE OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND ITS OUTCOMES AS CIVIL RIGHT OBJECTS

Abstract. The article considers the theoretical foundations of intellectual activity stated in the laws of the Russian Federation. A comparative study has been conducted of intellectual activity outcomes as objects of civil rights. The authors identify common features of intellectual activity and analyze legal significance of the outcomes of intellectual activity paying special attention to the works as the objects of civil rights. The definition of the object of intellectual activity as a generic term has been proposed.

Key words: civil law, intellectual activity outcome, intellectual property, ideal object.

Для раскрытия понятия «интеллектуальная деятельность» в правовом аспекте, необходимо предварительно отметить, что оно имеет многогранный характер и, соответственно, требует своего рассмотрения с терминологической стороны. Категория «интеллект» в научной и учебной литературе определяется как способность человека к мышлению, абстрактно-аналитической деятельности, к разумному познанию, то есть предусматривает совокупность всех умственных функций человека (образования понятий, сравнения, суждения, абстракции, заключений и т. д.), которые позволяют критически анализировать и пересматривать уже накопленные знания [2, с. 78]. Можно сделать вывод, что интел-

лектуальный труд представляет собой целесообразную интеллектуальную деятельность человека, направленную на удовлетворение профессиональных, личных и социальных потребностей, а также на эффективное обеспечение процесса реализации целей и задач, стоящих перед человеком или группой людей [4, с. 6].

Процесс интеллектуального труда, будучи скрытым от глаз посторонних наблюдателей, достаточно трудно организуется с помощью внешних средств, потому как любой человек, находящийся в процессе созидания, по мере необходимости пользуется мышлением – внутренним средством деятельности. Полагаем, что можно утверждать, что мышление как акт практически всегда заканчивается получением некоего результата в виде понятия, суждения либо умозаключения. Сама по себе природа результатов интеллектуальной деятельности человека вовсе не говорит о её оторванности либо малозначительности от производства необходимых людям вещей и ценностей. Присоединяемся к точке зрения, что без интеллектуального труда человека невозможны открытия ни в науке, ни в технике, да и процесс постоянного совершенствования науки и техники позволяет достаточно широко использовать силы и богатства природы в интересах человека [3, с. 92-93]. А литература, искусство, дизайн, в свою очередь, играют весомую роль в формировании эстетики и духовности в целом современной цивилизации.

В результате совершенствования средств производства, на наш взгляд, результаты интеллектуальной деятельности человека достаточно отчётливо приобретают черты товара, то есть

продукта интеллектуального труда, который создан исключительно для соответствующего функционирования на рынке [5, с. 77-78]. Полагаем, что осуществляется это, в первую очередь, за счет воспроизведения материальных носителей интеллектуальных открытий человека, так как «нетелесный» результат человеческого творчества можно продать исключительно с его «телесным» носителем. Можно сделать вывод, что результат интеллектуальной деятельности человека достаточно активно включается в экономический оборот путём распространения.

Интеллектуальная деятельность была присуща человечеству достаточно давно. Результаты интеллектуальной деятельности человека в экономическом обороте начали принимать участие только с конца XVIII в. По мнению В.А. Белых – «... это стало следствием бурного развития промышленного производства», и, как следствие, во-первых, появилась возможность «... копировать произведения в таком количестве экземпляров, которое делает его массовое распространение реальным», во-вторых, «это способствовало удешевлению копирования произведений до уровня, который делающего себестоимость одной копии соотносимой уровню доходов основной массы членов гражданского общества» [2, с. 81]. На наш взгляд автор ведёт речь о явлении, которое можно назвать повышением экономической значимости воспроизведения произведений как идеальных объектов. Научно-технический прогресс сделал возможным удешевление воспроизведения произведений и технических решений, что в целом позволяло получать совсем иные доходы. Однако в

XVIII в. такое воспроизведение произведений и технических решений находилось за правовыми рамками. Право того периода не регулировало отношения, которые были связаны с воспроизведением идеальных объектов.

Выход был найден путём создания права интеллектуальной собственности как отдельной отрасли права, которое и явилось главной предпосылкой для признания результатов интеллектуального труда обществом, необходимости вложения труда в нематериальные результаты, и придания определённой стоимости таким результатам [6, с. 197]. Говоря о воздействии научно-технического прогресса на общественные отношения, нужно отметить, что такое воздействие имеет две сферы своего приложения: материальную и духовную, олицетворяющие основные формы деятельности человека [1, с. 87–88]. Соглашаясь с мнением В.А. Дозорцева [3, с. 93], мы также считаем, что на определённой стадии общественного развития духовная составляющая начинает приобретать экономическую ценность, да и сама духовная составляющая становится вполне соизмеримой с экономической ценностью.

Путём создания специальных правовых средств общество, опираясь на сложившуюся систему ценностей и правовую культуру, юридически обособляет продукты духовной деятельности. Интеллектуальная деятельность представляет собой умственный труд в области литературы, науки, искусства [4, с. 7], результаты которого имеют существенные особенности по сравнению с результатами иных видов деятельности человека. Прежде всего, любая интеллектуальная деятельность носит идеальный характер, а её ре-

зультат продуцируется человеческим сознанием через логическое построение мысли и отражает новизну самой мысли. Этот результат интеллектуальной деятельности представляет собой выраженный в объективной форме продукт, который в зависимости от специфики называется произведением искусства, науки, литературы, изобретением, полезной моделью либо промышленным образцом (ст. 1259 ГК РФ). В отличие от объектов вещных прав, результаты интеллектуальной деятельности имеют идеальную природу (художественные и литературные произведения представляют собой определённую систему художественных и литературных образов, а то, в чем выражены результаты интеллектуальной деятельности (книги, аудиовизуальные носители), само по себе не является результатами интеллектуальной деятельности). Поэтому защите подлежит содержание, но не форма выражения интеллектуальной деятельности (ст. 1267 ГК РФ). Средства индивидуализации юридического лица или индивидуального предпринимателя, а также индивидуализации выполняемых работ или услуг (фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров) законодателем также приравнены к продуктам интеллектуальной деятельности (ст. 1356 ГК РФ); они также являются плодом творческой и умственной деятельности человека. Указанные средства индивидуализации содействуют созданию здоровой конкуренции путём различия как отдельных предпринимателей, так и оказываемых услуг или выполняемых работ, либо изготавливаемой ими продукции.

Важно отметить, несовпадение понятия «интеллектуальная деятельность», с понятием «творческая деятельность». Творческая деятельность предполагает только новизну результатов такой деятельности, тогда как интеллектуальная деятельность вовсе не любая, а именно рациональная деятельность человека, отражающая деятельность, осуществляемую при помощи логических умозаключений. Именно интеллектуальная деятельность влияет в значительной степени на развитие техники, науки, искусства, литературы, художественного дизайна и иного подобного [3, с. 103–104]. Согласно ст. 1225 ГК РФ, результаты интеллектуальной деятельности составляют произведения искусства, науки, литературы; базы данных; промышленные образцы; программы для ЭВМ; полезные модели; фонограммы; изобретения; фирменные наименования; вещание организаций эфирного и кабельного вещания; коммерческие обозначения; топологии интегральных микросхем; селекционные достижения; секреты производства; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров.

Объектам интеллектуальной собственности по своему составу свойственна неоднородность. Одна их часть в зависимости от степени правовой защищенности, относится к защищаемым авторскими правами, другая часть объектов интеллектуальной собственности относится к категории не защищённых авторскими правами [1, с. 112]. Каждому из результатов интеллектуальной деятельности присущи только свои особые условия использования и охраны, а также защиты и осуществления прав их авторов (ст. 1252

Гражданского кодекса Российской Федерации – далее по тексту ГК РФ¹), но при этом все они обладают некоторыми общими признаками.

1. Произведения техники и науки представляют собой определённые системы технических и научных категорий или понятий. Художественные и литературные произведения представляют собой определённую систему художественных или литературных образов. Эти образы и категории должны быть обозначены цифровыми, буквенными либо другими символами, знаками, звуковыми или изобразительными средствами. Они часто существуют на определённых материальных носителях, но при этом они не перестают быть идеальными объектами.

2. Результаты интеллектуальной деятельности как нематериальные объекты, которые не имеют натуральной формы, не подвержены амортизации и износу, так как могут лишь морально устаревать.

3. Взаимоотношения права и интеллектуальной деятельности таковы, что право прямо воздействовать на мыслительные процессы человека не может, то есть процессы мыслительной деятельности человека остаются за пределами действия правовых норм. На наш взгляд, позитивно воздействовать на указанные взаимоотношения может закрепление в дефинитивных нормах условий охраноспособности результатов деятельности человека, а также путей выработки правовых форм организации

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ, с учетом внесенных изменений и дополнений, включая федеральный закон от 12.03.2014 г. № 35-ФЗ.

творческой и научно-технической деятельности [6, с. 200].

4. Идеальная природа результатов интеллектуальной деятельности совсем не свидетельствует об их мало-значительности или оторванности от производства необходимых людям ценностей человеческого общества. Ведь именно объективно выраженный результат интеллектуальной деятельности может быть доступен правовому регулированию, может участвовать в экономическом обороте, представляя собой особый специфический товар – интеллектуальную собственность. Современная тенденция развития общества такова, что результаты интеллектуальной деятельности все более отчетливо приобретают черты товарного продукта интеллектуального труда, который создается для функционирования на рынке. Осуществляется это, прежде всего, путём распространения материальных носителей интеллектуальных достижений человечества, так как интеллектуальный «нетелесный» результат творчества продать практически невозможно.

Таким образом, интеллектуальной деятельностью является умственный (творческий, духовный, мыслительный) труд человека в области искусства, науки литературы, техники. Результаты интеллектуальной деятельности играют достаточно весомую роль в жизни человечества, причем не только в духовной сфере, но и в производстве материальном. Имеет место тенденция возрастания их удельного веса в продукте производства. Положение меняется качественно и количественно, то есть интеллектуальный продукт, который ранее распростра-

нялся вне рынка, вышел на широкий рынок. Да и традиционный рынок имущественных ценностей претерпевает качественные изменения, так, наряду с традиционными его объектами, представленными результатами материального производства и природными ресурсами [5, с. 97], образовалась постоянно растущая новая часть – результаты интеллектуальной деятельности в форме интеллектуального продукта.

Всё большее значение в современных условиях приобретает правовое регулирование использования результатов интеллектуальной деятельности. Специфический продукт (интеллектуальная собственность) выступает результатом интеллектуальной деятельности. Интеллектуальная собственность являясь условным собирательным понятием, достаточно широко используется в международном и российском законодательстве, для обозначения совокупности исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности [3, с. 95]. Россия в условиях нестабильности мировой экономики и угрозы очередного витка экономического кризиса, может не выстоять в жёсткой конкурентной борьбе без использования результатов интеллектуальной деятельности – произведений искусства и литературы, достижений науки, программ для ЭВМ, полезных моделей, изобретений, промышленных образцов, товарных знаков и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданское право: в 4-х т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / под ред. Е.А.Суханова,

- 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. 133 с.
2. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белых. М.: Юрайт, 2013. 391 с.
 3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права (Понятие. Система. Задачи кодификации). М.: Статут, 2011. 215 с.
 4. Куркина Н.В. К вопросу о защите интеллектуальной собственности в России // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 5–8.
 5. Куркина Н.В. Право интеллектуальной собственности: курс лекций. М., МИ-ЭМП, 2011. 193 с.
 6. Куркина Н.В. Содержание исключительного права на товарный знак в контексте других прав на результаты интеллектуальной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2012. № 1. С. 196–202.

УДК 34.047

Семыкин В.В.*Московский государственный областной университет*

АРЕНДА В ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ И «ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы фактического основания получения земли и последствий в земельных отношениях, связанных с новыми изменениями в законодательстве (Гражданский и Земельный кодексы), при которых главным объектом собственности становится земельный участок, а объекты недвижимости на нем являются составной частью «единого объекта недвижимости». Автор приходит к выводу, что законодатель в настоящее время предусматривает отказ от аренды как основного вида права владения и пользования землей и переход к новым вещным правам: застройки и постоянного владения. Как следствие, предоставление государственных и муниципальных земель в аренду после вступления в действие новой редакции Гражданского кодекса будет серьезно ограничено.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, вещное право, земельное право, аренда земли, единый объект недвижимости.

V. Semykin*Moscow State Regional University*

LAND LEASE AND «TRANSITIONAL PROVISIONS» OF THE LAW

Abstract. The author examines the factual basis of land acquisition and its impact on land relations in the light of new amendments made in the Civil Code and Land Code of the Russian Federation stating that the plot becomes the main object of property and the real estate objects located on it should be considered as constituent parts of a "single real estate object". The author comes to the conclusion that modern legislation provides for the cancellation of land lease as the main form of land ownership and use and the transition to new proprietary rights, i.e. development and permanent ownership.

Key words: Civil Code of the Russian Federation, property law, land law, land lease, a single real estate object.

Земля является одним из важнейших ресурсов в экономике любой страны. В связи с этим, вопросы связанные с земельными отношениями регулируются государством. Земельное право одновременно является отраслью права, отраслью законодательства, правовой наукой и учебной дисциплиной, преподаваемой в высших учебных заведениях. Особенностью правового режима земель является регулирование земельных отношений, возникающих по поводу использования земли в целях обеспечения ее охраны и рационального использования как природного объекта и природного ресурса, сохранения и восстановления плодородия.

дия почв, защиты прав субъектов земельных отношений. Земля является объектом окружающей среды и находится в тесной связи с другими природными объектами: лесами, водными объектами, недрами, и её использование регулируется не только требованиями Земельного кодекса, но и требованиями лесного, водного законодательства, законодательства о недрах и охране окружающей среды и т. д. Все это говорит об огромной значимости правового регулирования земельных отношений, которое в настоящее время претерпевает изменения и дополнения.

Так, в Гражданский кодекс (ГК РФ), в новую его редакцию¹, было предложено внести целый ряд принципиально новых норм по вопросам владения, пользования и распоряжения собственностью. Новая редакция кодекса предлагает более детальный анализ норм, например, в регулировании прав собственности на землю и недвижимость. В частности, согласно законопроекту, раздел II ГК РФ сменит своё название с «Право собственности и

другие вещные права» на более ёмкое «Вещное право» и дополнится целым набором новых понятий, терминов и правовых институтов. Такие институты как «владение» и «владельческая защита» и некоторые ограниченные вещные права (право застройки – Глава 20¹, право приобретения чужой недвижимой вещи – Глава 20⁵, право вещной выдачи – Глава 20⁶), для отечественного законодательства являются абсолютно новыми. При этом внесены и некоторые нормы, которые содержались до этого в других законодательных актах, и в первую очередь, Земельном кодексе, что конечно же влечёт за собой существенную переработку и принятие новых поправок в законодательство.

В настоящее время землю фактически можно получить лишь по двум основаниям: праву собственности или аренды (ст. 28 Земельного кодекса² – ЗК РФ), причём последняя преобладает. Сложилась практика, что земля под строительство может выделяться в аренду сроком на 3–5 лет, и застройщик зачастую в эти сроки не укладывается, в том числе и в связи с различными административными барьерами. Кроме того, при выкупе земельного участка или его аренде требуется предварительная постановка на кадастровый учёт. Если участок новый и никому не отводился, то сначала орган местного самоуправления должен утвердить схему границ такого

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 47538-6 [1] был внесён Президентом РФ в Государственную Думу 03.04.2012 г., перед вторым чтением постановлением Государственной Думы от 16.11.2012 г. его разделили на отдельные законопроекты. В рамках реформы гражданского законодательства до настоящего времени были приняты семь федеральных законов (от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ, от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ, от 02.07.2012 г. № 142-ФЗ, от 30.09.2013 г. № 260-ФЗ, от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ, от 12.03.2014 г. № 35-ФЗ, от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ). В статье Гражданский кодекс РФ дается в ред. по сост. на 05.05.2014 г., а законопроект изменений приводится без дополнительных ссылок.

² «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (в статье используется редакция по состоянию на 21.07.2014 г., с учетом изменений внесенных законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

земельного участка (ст. 30, 31, 34, 36 ЗК РФ), на основании этой схемы кадастровый инженер должен провести кадастровые работы, подготовить межевой план, после этого полученные сведения о вновь образованном участке вносятся в кадастр, и только после этого заинтересованное лицо может оформить на него права. Сложно? Да, и в конечном счете, подобные случаи не дают возможности бизнесу нормально развиваться.

Но такая ситуация в скором времени изменится с вступлением в силу с 1 марта 2015 года изменений в ЗК РФ¹, где как раз затрагиваются вопросы возникновения, прекращения и осуществления прав на земельные участки, обеспечиваются прозрачность действий и равный доступ к земельным ресурсам, сокращаются избыточные административные ресурсы. Речь идет о том, что с внесенными изменениями в ЗК РФ появится новая глава V¹ «Предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности», в рамках которой устанавливаются:

- основания возникновения прав на земельные участки, предоставляемые из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности (ст. 39¹);

- случаи продажи земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на торгах и без проведения торгов (ст. 39³);

- цена продажи земельного участка, находящихся в государственной

или муниципальной собственности (ст. 39⁴);

- случаи предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, гражданину или юридическому лицу в собственность бесплатно (ст. 39⁵);

- случаи предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду на торгах и без проведения торгов (ст. 39⁶);

- особенности договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности (ст. 39⁸), предусматривающей в том числе и отчуждение объекта незавершенного строительства в связи с прекращением договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Разработчики законопроекта в новых нормах статьи 287 ГК РФ устанавливают, что «собственник земельного участка является собственником находящихся на нём зданий и сооружений, за исключением случаев, предусмотренных законом» и стимулом к такому поведению являются нормы статьи 292 законопроекта о ГК РФ в виде объединения строений и земли у одного собственника: собственникам земельных участков предоставляется преимущественное право выкупа стоящих на них, но не принадлежащих им зданий, и, наоборот, собственникам зданий предоставляется такое право для выкупа под ними земли. Такие поправки к Главе 19² законопроекта «Право собственности на земельные участки и другие природные объекты» дают основание для закрепления в за-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

конодательстве нового базового принципа – «единый объект недвижимости», под которым понимается участок поверхности земли, границы которого определены и удостоверены в установленном порядке и в отношении которого осуществлён государственный кадастровый учет с находящимися на нем зданиями и сооружениями.

Таким образом, главным объектом собственности становится земельный участок, а прочая недвижимость на нём является его частью. Земля становится самым надежным имуществом для владения, а сам проект направлен на то, чтобы устранить возможность раздельного оборота земельных участков и находящихся на них объектов. Этим законодатель в законопроекте предусматривает отказ от аренды как основного вида права владения и пользования землёй и переходит к двум новым вещным правам – праву застройки (Глава 20¹ проекта) и праву постоянного землевладения (Глава 20 проекта). А это значит, что предоставление государственных и муниципальных земель в аренду после вступления в действие новой редакции ГК РФ будет серьёзно ограничено. Как раз в целях того, чтобы чиновники не пытались и далее,

«по инерции», держать владельцев недвижимости «на поводке».

Как таковую аренду, конечно, законопроект не отменяет. Земельные участки и дальше будут передаваться собственниками в аренду, но лишь в строго ограниченных ситуациях, например, для возведения каких-то временных сооружений, для строительства капитальных объектов недвижимости. И исходя из принципа «единого объекта недвижимости» все возведённые здания попадут в собственность того, кому принадлежит земельный участок. При этом законопроектом прямо устанавливается запрет на заключение договоров аренды государственных и муниципальных земель под застройку на иных условиях.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Федеральный закон (проект) «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Гарант: информационно-правовой портал [сайт]. URL: [http://www.garant.ru/files/8/0/398308/proekt_federalnogo_zakona_gk\(1\)\(1\).doc](http://www.garant.ru/files/8/0/398308/proekt_federalnogo_zakona_gk(1)(1).doc) (дата обращения: 20.02.2015 г.)

РАЗДЕЛ III.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Мерзлякова В.А.

Московский государственный областной университет

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация: Рассмотрены особенности системы наказаний при производстве по уголовным делам, возбужденным по норме статьи 285.1 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств. Обосновывается необходимость пересмотра в сторону ужесточения мер ответственности по основному и квалифицированному составу деяний связанных с нецелевым расходование бюджетных средств, в связи с особой общественной опасностью подобных должностных преступлений. Автор полагает непоследовательной замену уголовного наказания административным при выявлении фактов, установленных статьей 306.4 Бюджетного кодекса РФ, менее размера крупного ущерба; несоразмерной нанесенному ущербу величину штрафов, налагаемых на виновное должностное лицо; недостаточно дифференцированными от тяжести деяний сроки установленные по другим видам наказаний, а также предлагает присуждать штрафы и запреты на занятие определенной деятельностью или занятие должности как дополнительное наказание.

Ключевые слова: нецелевое расходование бюджетных средств, либерализация уголовного законодательства, должностные преступления.

V. Merzlyakova

Moscow State Regional University

THE BALANCE OF CRIME AND PUNISHMENT FOR BUDGET SPENDING MISUSE

Abstract. The paper considers the features of punishments provided by Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for misappropriation of budgetary funds. Based on the assumption that such crimes present a special public threat the author argues the necessity for tightening the liability for budget spending misuse according to basic and qualified composition acts. The author considers it inconsistent to substitute criminal penalty for administrative one in case of revealing the facts stated by Article 306.4 of the Budget Code of the Russian Federation.
Key words: misappropriation of budgetary funds, liberalization of criminal law, malfeasance..

© Мерзлякова В.А., 2015.

Вопрос о целевом использовании бюджета имеет особую остроту в виду реалий финансового кризиса и крупных расходов по обязательствам государства, что неоднократно подчёркивается официальными заявлениями первых лиц по бюджетной политике [1]. В средствах массовой информации регулярно появляются материалы о каком-либо очередном резонансном деле, связанным с нецелевым использованием бюджетных средств. Статья, предусматривающая ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств, была введена в Уголовный кодекс РФ 8 декабря 2003 г. (ст. 285.1 УК РФ), ранее в Уголовном кодексе РСФСР данный состав преступления отсутствовал¹. Но сложности в производстве по уголовным делам, возбуждённым по данной норме, возникли, в том числе связанные с теми разделами уголовного и уголовно-процессуального законов, которые также претерпели 8 декабря 2003 г. определённые изменения.

Уголовная ответственность по рассматриваемому составу наступает, когда расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определённым утверждёнными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных

средств, было совершено в крупном размере. Под крупным размером закон понимает сумму, превышающую один миллион пятьсот тысяч рублей. Возникает вопрос, почему законодатель решил, что лишь расходование на сумму свыше полтора миллиона рублей может составлять уголовно наказуемое деяние? Тогда как, например, в Бюджетном кодексе РФ (ст. 306.4) нецелевым признается любое (полное или частичное) направление бюджетных средств не по назначению. Видимо, законодатель посчитал, что такое использование средств не настолько общественно опасно, чтобы вносить его в УК РФ и ограничился Кодексом административных нарушений (КоАП РФ), с наложением штрафа от двадцати до пятидесяти тысяч рублей².

Например, городской больнице выделили один миллион рублей на закупку необходимого медицинского оборудования, а вместо этого деньги были потрачены на покупку дорогих телевизоров, и виновные лица в этом случае заплатят штраф, не превышающий пятидесяти тысяч рублей. На наш взгляд, если в Бюджетном кодексе не сказано о каких-то конкретных суммах нецелевого расходования, то надо руководствуясь этим назначать уголовное наказание при нецелевом использовании от любой суммы истраченной не по назначению. Было бы уместно исключить статью из КоАП РФ и ограничение по величине ущерба из УК РФ.

Часть вторая статьи 285.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за то же деяние, но совер-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. на 31.12.2014 г., с изм. и доп. вступ. в силу с 11.01.2015 г.) и Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. (в ред. на 30.07.1996 г.)

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. на 31.12.2014 г., с изм. и доп. вступ. в силу с 11.01.2015 г.)

шенное группой лиц по предварительному сговору или в особо крупном размере. Под особо крупным размером предполагается нецелевое расходование бюджета на сумму, превышающую 7,5 миллионов рублей. Санкции, установленной частью первой и второй, отличаются не значительно:

1) штраф в размере от ста тысяч до трехсот тысяч или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет по первой части; штраф в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до трёх лет по второй части;

2) принудительные работы на срок до двух лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового по первой части; принудительные работы на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового по второй части;

3) арест на срок до шести месяцев, лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового по части первой; лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового по второй части.

Возникает ряд вопросов относительно тяжести наказаний. Почему штраф во много раз меньше суммы не

по назначению израсходованной, с которой законодатель посчитал связать уголовную ответственность по данному составу? Почему максимальный срок лишения свободы не превышает 5 лет, тогда, как за аналогичные преступления в Китае санкция больше в два раза (до 5 лет за не квалифицированный состав, и до 10 лет за квалифицированный) [3]? Почему запрет на занятие определённой должности может и не наступить вообще? Возможно, такие санкции связаны с либерализацией всего уголовного законодательства России, происходящей на всех уровнях в целом: прекращение 63 тысяч уголовных дел за кражу, смягчение приговоров, запрет чтения переписок заключённых с адвокатами и т. д. [2]. С одной стороны, либерализация законодательства в какой-то мере необходима, так как она дает возможность максимального соблюдения прав человека, что, как известно, является основной целью Конституции России. Но с другой, в каких-то отраслях её применение может обернуться знаменитой фразой – «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Уголовный кодекс защищает добропорядочных граждан и общество в целом от действий со стороны преступников, предусматривая ответственность для таких лиц. Но преступники не думают о снисхождении, о каких-то принципах морали, о совести, когда совершают антиобщественных действия, так почему же закон должен думать о снисхождении к ним, почему законодатель ставит под удар возможность защиты добропорядочных граждан от действий преступных элементов? Если рассмотреть ст. 285.1 УК РФ, не только как преступление

против государственной службы, но и как преступление в сфере экономики (к коим оно, несомненно, относится), то по степени тяжести оно не уступает ни преступлениям против жизни и здоровья, ни преступлениям против конституционного строя. Ведь бюджет – это один из основных способов реализации функций государства. Не может быть либерализации, когда ставится под удар нормальная жизнедеятельность всего государства, а тот факт, что его совершают должностные лица, несомненно отягчающий момент, поскольку на них возложена ответственность по поддержанию нормального функционирования общества. Что можно спрашивать с рядовых граждан, когда сами представители государства «не чисты на руку»?

По нашему мнению, за экономические преступления нужно не смягчать наказания, а отягощать его и в этом смысле современное направление развития уголовного законодательства представляется не совсем корректным. Напрашивается вывод, что характер и размер наказания абсолютно не соответствует совершённому деянию. Во-первых, представляется логичным, что штраф в данной санкции должен быть в виде обязательного дополнительного наказания и должен быть не просто равен сумме, потраченной не по назначению, а должен быть таким, чтобы использование бюджетных средств не по назначению было просто не выгодно самим нарушителям. По сути, когда штраф не превышает 50 000 тысяч рублей (что, к слову, даже меньше, чем заработная плата некоторых чиновников), нет и страха наказания. Во-вторых, следует предусмотреть дополнительное наказание в виде лишения

права заниматься определённой деятельностью для таких лиц, но при этом скорректировать сроки. Так, в случае основного состава преступления, вполне можно ограничиться сроком в три года, за крупный размер ущерба – сроком в 6 лет, и за особо крупный размер ущерба и действие в группе лиц – сроком в 10 лет. В-третьих, вполне можно было бы изменить основное наказание по всем составам преступления. Так, для основного состава вполне можно назначать принудительные работы на срок от 6 месяцев до 2 лет, за крупный размер – лишение свободы сроком на срок от 3 до 5 лет, за особо крупный размер и в составе группы лиц – от 7 до 9 лет.

В заключении хотелось бы отметить, что должностные преступления – это не те преступления, где возможна либерализация уголовного наказания в виду их высокой общественной опасности. Существенно то, что субъектами преступления являются лица, осуществляющие функции представителя государственной власти и иные административно-распорядительные функции в государственных органах (а так же в органах местного самоуправления и в вооружённых силах). Необоснованная мягкость статьи 285.1 УК РФ ничем не оправдана, так как действия преступников посягают на целевое использование бюджета, что на современном этапе развития может стать серьёзным ударом для внутреннего состояния государства. Санкции за данное преступление стоит серьёзно пересмотреть и соотнести с деянием.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бюджетное Послание Президента Российской Федерации о бюджетной по-

- литике в 2014-2016 годах // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/18332> (дата обращения: 20.02.2015 г.)
2. Либерализация уголовного законодательства // Российская газета [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3749/> (дата обращения: 20.02.2015 г.)
3. Особая часть УК КНР // Бизнес в Китае: информационно-аналитический портал [сайт]. URL: <http://www.asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/> (дата обращения: 20.02.2015 г.)

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.98

Коломинов В.В.

Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

ДОПРОС И УЧАСТИЕ В НЕМ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации определяет необходимость производства множества следственных действий, среди которых особое место занимает допрос. Поскольку расследование данных преступлений требует специфических знаний в области компьютерных технологий, которыми на должном уровне не всегда обладает следователь, к допросу привлекают специалиста в данной области знаний. Автор приводит аргументы в пользу преимущественного использования специальных знаний на этапе подготовки к допросу, а не на его рабочем этапе.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, процессуальное действие, допрос, доследственная проверка.

V. Kolominov

Baikal State University of Economics and Law

QUESTIONING AND TAKING PART IN IT OF THE FRAUD INVESTIGATION EXPERT IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION SYSTEMS

Abstract. Fraud investigations in the field of computer information determines the need to produce a variety of investigative activities, among which occupies a special place for questioning. As the investigation of these crimes requires specific knowledge in the field of computer technology, which at the proper level has not always investigator for interrogation attract skilled in the art knowledge. In the article the author emphasizes, and makes the case for the use of special knowledge in preparation for questioning, rather than its operational stage.

Key words: cybercrime, fraud in the field of computer information, interrogation tactics, specialist.

При производстве следственных действий по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации одним из положительных аспектов является наличие данных, полученных в ходе предварительной проверки материалов о преступном событии (доследственная проверка), которая проводилась

в стадии возбуждения уголовного дела. Следует заметить, что в ходе до следственной проверки следователь или лицо производящее дознание получает до 40 % доказательственной информации, а также 100 % ориентирующей информации. Это создает условия для благоприятной следственной ситуации на первоначальном этапе расследования обозначенных преступлений и в последующем процессе всего расследования.

Процесс расследования мошенничества в сфере компьютерной информации включает необходимость производства значительного числа предусмотренных уголовно-процессуальным законом процессуальных действий, таких как осмотр места происшествия (а также различных предметов и документов), предъявление для опознания, обыск и выемка, допрос, очная ставка, следственный эксперимент, назначение и производство экспертиз, получение образцов для сравнительного исследования, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных и иных переговоров и др. Среди обозначенных действий немаловажное место занимает такое наиболее распространенное как допрос. Тактика производства допроса по уголовным делам этой категории напрямую зависит от специфики механизма совершения преступления данного вида.

Учёными-правоведами уже давно определено понятие допроса и общие условия его производства. Так, Р.С. Белкин определял допрос как процессуальное (следственное или судебное) действие, заключающееся в получении показаний (информации) о событии, ставшем предметом

уголовного судопроизводства, лицах, проходящих по делу, причинах и условиях, способствовавших совершению и сокрытию преступления [1, с. 62]. Следует заметить, что допрос по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации имеет определённую специфику. При этом фактором, положительно влияющим на выбор тактики производства допроса, является наличие определённого объема информации о преступном событии, полученного из различных (процессуальных и не процессуальных) источников, например, материалов до следственной проверки, оперативно-розыскных мероприятий и т. п.

Кроме того, содержание преступного деяния таково, что при выяснении обстоятельств его совершения необходимо наличие знаний об особенностях механизма преступления, которые зависят от применяемых для его реализации орудий и средств (компьютерно-технические средства). Именно это обстоятельство, по общему правилу, обуславливает необходимость присутствия при производстве вербальных следственных действий (в данном случае – допроса) специалиста в сфере компьютерной информации (компьютерных технологий).

В идеале расследование уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации должно быть поручено следователю, имеющему глубокие знания в сфере компьютерных технологий. Однако, анализ следственной и судебной практики, а также репрезентативный опрос сотрудников правоохранительных органов, имеющих отношение к расследованию мошенничества в сфере компьютерной информации, позволил сделать вывод,

что таких специалистов в правоохранительной системе достаточно мало. Исключение составляет незначительное количество сотрудников, входящих в состав подразделений Управления «К» МВД РФ, осуществляющего борьбу с преступлениями в сфере информационных технологий. Тем не менее, вовсе не значит, что уголовные дела исследуемой категории некому расследовать.

Существуют инструменты, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством, которые дают возможность лицу, осуществляющему расследование мошенничества в сфере компьютерной информации, восполнить недостаток знаний и навыков о расследуемом событии. Речь, в данном случае, идёт об участии специалиста при производстве следственных действий. Не вступая в дискуссию о положительных сторонах такого участия (данный аспект достаточно подробно рассмотрен в научной литературе) применительно к рассматриваемому виду мошенничества, укажем, что присутствие специалиста в некоторых случаях может быть неоправданным. Это обстоятельство следует учитывать, принимая решение о приглашении на допрос по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации специалиста в сфере компьютерных технологий.

Постараемся обосновать высказанную позицию, что присутствие такого специалиста на допросе не всегда может положительно сказаться для достижения конечной цели допроса и отрицательно повлиять на его результат. Выражается это в том, что участие такого специалиста при производстве

допроса по исследуемой категории уголовных дел может вызвать желание допрашиваемого оказать противодействие расследованию по причинам, которые будут изложены ниже. В то же время привлечение специалиста для участия в иных процессуальных действиях, на наш взгляд, сказывается только положительно.

Возникновение проблем в ходе допроса подозреваемого или обвиняемого в совершении мошенничества в сфере компьютерной информации, обусловлено тем, что в присутствии специалиста в сфере компьютерных технологий допрашиваемый непредвиденно получает повод для активного противодействия. У допрашиваемого (как правило, подозреваемого или обвиняемого) появляется уверенность в отсутствии у следователя достаточных знаний о механизме и особенностях совершения компьютерного мошенничества с учетом использованных преступником технических возможностей и применённых технических средств, некое стойкое убеждение в его некомпетентности. Кроме того отмечено, что присутствие при производстве допроса третьих лиц (специалиста, защитника) отрицательно влияет на установление психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом.

Анализ следственной и судебной практики, а также интервьюирование сотрудников правоохранительных органов принимавших участие в расследовании уголовных дел исследуемой категории, выявляет неоднозначное отношение правоохранителей к рассматриваемой проблеме. Так, если 46 % опрошенных респондентов указали, что присутствие специалиста в сфере

компьютерной информации (информационных технологий) положительно влияет на процесс допроса и установление психологического контакта между допрашивающим и допрашиваемым подозреваемым (обвиняемым), то 48 % указали, что присутствие такого специалиста на процесс допроса влияет негативно, и оставшиеся 6 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Раскрывая сущность характера допроса, опрашиваемые поясняли, что в первом случае следователь, консультируясь со специалистом, в присутствии допрашиваемого лица получал исчерпывающую информацию о преступном событии, его механизме и особенностях, что оказывало определённое воздействие на допрашиваемое лицо, и оно, в последующем, давало правдивые показания. Другие же отмечали, что факт отсутствия знаний специфики механизма рассматриваемого преступного события негативно сказывался на производстве допроса. Допрашиваемый подозреваемый (обвиняемый), за период консультаций следователя со специалистом, сам или при помощи защитника осуществлял подготовку к активному противодействию с выбором пути и подготовкой средств по его реализации.

Необходимо заметить, что ситуация аналогичного характера может складываться в ходе допроса даже тех свидетелей и потерпевших, которые в соответствии со своей позицией готовы и оказывают содействие расследованию. Наличие у них определённых знаний в сфере компьютерных технологий, о технических устройствах и компьютерно-технических средствах, специфики их функционирования,

хотя бы на уровне уверенного пользователя при отсутствии таковых знаний у лица, осуществляющего расследование, способно сформировать отрицательное отношение к нему как к профессионалу своего дела. Кроме того, у данных лиц может сложиться общее представление о неспособности правоохранительных органов объективно расследовать исследуемые мошенничества в сфере компьютерной информации.

К слову сказать, подобная обстановка негативно скажется на установлении психологического контакта с допрашиваемым даже при условии благоприятной типичной исходной следственной ситуации и повлечет утрату сведений, имеющих значение для расследования исследуемых преступлений. Это указывает на то, что независимо от категории допрашиваемого лица по делам исследуемой категории, производству такого вербального следственного действия как допрос должна предшествовать существенная активная подготовительная работа. Она должна касаться не только установления данных, характеризующих личность допрашиваемого и его отношения к расследуемому событию, но и глубоко затрагивать техническую сторону компьютерного мошенничества, анализ и особенности функционирования средств и методов, используемых для совершения преступления, особенности их реализации и применения, понимание механизм следообразования.

Именно на эти особенности справедливо указывают некоторые учёные-криминалисты: «независимо от того, имеет ли следственное действие преимущественно поисковую или позна-

вательную направленность, связано ли оно с проверкой версии или развитием достоверного знания, какой способ собирания и использования информации является для него определяющим, во всех случаях деятельность по его производству складывается из 1) ознакомительно-ориентирующей стадии; 2) непосредственного контактного или бесконтактного взаимодействия с объектом; 3) анализа достигнутых результатов, упаковки изъятых объектов, завершения процессуального оформления и т. д.» [4, с. 82].

В поддержку высказанной нами позиции приведём мнение проф. Н.Н. Егорова, который отмечает, что «специалист приглашается к участию в допросе, когда следователю известно, что допрашиваемый отлично разбирается в специальных вопросах, имеет богатый опыт практической работы. В таких случаях он начинает активно объяснять следователю сложную схему объектов и многообразие связей между ними, <...> тем самым выясняя уровень знаний следователя в конкретной отрасли <...> его способность воспринимать смысл терминов. Неподготовленность нередко выводит следователя из равновесия, он начинает горячиться, пытается во что бы то ни стало вернуть допрос в привычное русло: сослаться на имеющиеся доказательства и т. д.» [3, с. 197]. Поэтому, с целью недопущения подобных ситуаций, следователю необходимо во взаимодействии со специалистом осуществлять подготовку к производству допроса на его *ознакомительно-ориентирующей, подготовительной* стадии.

Однако, специально следует оговорить, что в каждом конкретном случае при допросе той или иной категории

лиц решение о привлечении специалистов принимается следователем сугубо индивидуально. И это вовсе не означает, что их привлечение по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации имеет второстепенное значение. Такие учёные-криминалисты как А.И. Винберг, В.Н. Махов, П.К. Пошюнас [2, с. 31–33; 5, с. 84; 6, с. 22–23] указывали, что участие специалиста положительно влияет на результаты следственного действия, полагая, что следственная практика по уголовным делам, должна идти по пути как обязательных *предварительных консультаций* со специалистами в ходе подготовке к допросам обвиняемых, так и участия специалистов в таких допросах.

Безусловно, для достижения положительного результата при производстве следственного действия одной из его активных стадий должна быть подготовительная. В ходе её реализации обязательно должна быть использована информация и сведения, полученные при проведении предшествующей возбуждению уголовного дела следственной проверки. Н.Г. Шурухов прямо отмечает, что: «...первоначальный допрос на предварительном следствии лица, от которого во время проведения предварительной проверки были получены объяснения, будет являться повторным изложением события, интересующего следствие. <...> Данное обстоятельство имеет определенное значение, так как предварительная проверка создаёт благоприятную базу для допроса на предварительном следствии. Что касается недобросовестных участников процесса, то первоначальное получение объяснений от них даёт возможность

заранее определить позицию, которую займёт это лицо на допросе, и соответствующим образом к этому подготовиться» [8].

Кроме этого, указанные выше особенности будут влиять на выбор тактических приёмов при производстве допроса, равно как и иных следственных действий. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что допрос потерпевших и свидетелей по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации будет несколько отличаться от допроса подозреваемых и обвиняемых. Во всех случаях, при допросе потерпевших и свидетелей следователю предварительно необходимо выяснить информацию:

- какими компьютерно-техническими средствами пользовалось допрашиваемое лицо – жертва компьютерного мошенничества;
- о наличии у него знания о технических характеристиках используемых средств (в этом случае следователь может установить наличие у допрашиваемого знания о компьютерно-технических средствах или их отсутствии);
- о навыках и способностях допрашиваемого в применении и использовании технических средств;
- о наличии знания о программных средствах, установленных на компьютере допрашиваемого;
- о провайдере, услугами которого он пользовался и условия предоставления услуг сети;
- из каких источников допрашиваемый получил информацию о мошеннических действиях преступника;
- как осуществлялось общение (контактное взаимодействие) между потерпевшим или свидетелем и преступниками;

– был ли установлен визуальный контакт между ними и при каких условиях, сможет ли он опознать подозреваемых?

В случае допроса представителей юридического лица, должны быть допрошены все лица, имеющие отношение к преступному событию (технический персонал, бухгалтеры, менеджеры, директора и т. п.). В ходе допроса лиц, указанных категорий необходимо установить следующие сведения (наряду с уже перечисленными выше):

- условия заключения различных договоров, их текстуальное содержание, местонахождение в документообороте юридического лица;
- внутренний распорядок юридического лица, наличие пропускного режима, средств охраны и т. п.;
- наличие лиц, взаимодействовавших с предполагаемыми преступниками, их взаимоотношения и т. п.;
- наличие документов, подтверждающих причинение материального ущерба, условия его причинения;
- мнение каждой категории допрашиваемых о механизме совершенного преступления, а также причине и условиях наступления преступного результата.

Приведённый перечень не является исчерпывающим и зависит от конкретной типичной исходной следственной ситуации. Особенно скрупулезно следует подойти к допросу системных администраторов предприятий и организаций. Готовясь к такому допросу, следует иметь в виду, что с одной стороны они могут состоять в сговоре с лицами, совершившими мошенничество. С другой стороны, они могут обладать расширенной инфор-

мацией о совершенном компьютерном мошенничестве, и с учётом того, что в ходе расследования могут быть выявлены нарушения с их стороны в обслуживании компьютерно-технических средств, приведшие к совершению мошенничества, они же могут давать ложные показания.

Таким образом, выбор линии поведения при производстве любого следственного действия, особенно допроса, всегда зависит от усмотрения следователя. Только следователь способен организовать его процесс производства таким образом, что бы достичь желаемого результата и при этом соблюсти все принципы уголовно-процессуального законодательства. При этом надо иметь ввиду, что несмотря на главенствующую роль и персональную ответственность следователя, раскрытие и расследование преступлений является коллективной деятельностью, успех которой тесно связан с организацией взаимодействия между людьми, осуществляющими эту важную работу [7, с. 10]. Именно такое положение вещей предполагает активное использование следователем помощи специалистов в области компьютерной информации в расследовании обозначенного вида мошенничества, но с условием наличия личного убеждения следователя в целесообразности такого участия на рабочей стадии допроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
2. Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Социалистическая законность. 1961. № 9. С. 30–34.
3. Егоров Н.Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. 304 с.
4. Ершов В.А., Костылева Г.В., Милованова М.М. Методика расследования преступлений против жизни и здоровья граждан, совершаемых членами неформальных групп (движений). М.: Юрлитинформ, 2007. 136 с.
5. Махов В.И. Участие специалиста в следственных действиях. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1975. 87 с.
6. Пошюнас П.К. Применение бухгалтерских познаний при расследовании и предупреждении преступлений. Вильнюс: Минтис, 1977. 197 с.
7. Статкус В.Ф., Жидких А.А. Органы предварительного следствия в системе МВД Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы. М.: Спарк, 2000. 103 с.
8. Шурухнов Н.Г. Использование при допросе ранее данных объяснений // Тактические приемы допроса и пределы их использования: сб. тез. теоретич. семинара, 14 марта 1980 г. М.: ВНИИ МВД СССР, 1980. С. 50–53.

НАШИ АВТОРЫ

Арзамасцев Николай Иосифович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета; e-mail: arzamastsevn@mail.ru.

Василенко Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Московского института предпринимательства и права; e-mail: olga.v.vasilenko@gmail.com

Васильева Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: vasilieva@mail.ru

Водянова Наталья Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-pp@mgou.ru

Голтыяпина Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и права Омского государственного университета путей сообщения; e-mail: goltyapinaiu@gmail.com

Козловская Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: vkozlovskaja@yandex.ru

Коломинов Вячеслав Валентинович – аспирант кафедры криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск); e-mail: vit.dro@mail.ru

Куркина Наталья Васильевна – кандидат юридических наук, доцент Заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: natakurkina@mail.ru

Мерзлякова Валерия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: vmerzlyakova@mail.ru

Семыкин Вячеслав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: vsemykinv@yandex.ru

Серёда Алексей Валерьевич – юрист общества ограниченной ответственности «Центр юридической помощи»; e-mail: hdh2011@yandex.ru



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

2015. № 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Ю.А. Паршенкова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.А. Кытманова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 4, усл. п.л. 4,25.

Подписано в печать 20.03.2015. Заказ № 2015/03-04.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а